

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО СВЯЗИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

А. Ю. Вязьмин

РЕЧЕВЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

СПб ГУТ)))

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020**

УДК 003:316.77(075.8)

ББК 60.54я73

В 99

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории культуры
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена»

И. И. Докучаев,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-политических наук СПбГУТ

П. Ю. Нешитов

*Утверждено редакционно-издательским советом СПбГУТ
в качестве учебного пособия*

Вязьмин, А. Ю.

В 99 Речевые и письменные коммуникации : учебное пособие /
А. Ю. Вязьмин ; СПбГУТ. – СПб., 2020. – 84 с.

В учебном пособии последовательно приводятся основные сведения о языкознании, теории вербальной коммуникации, социолингвистике, проблемах глоттогенеза, герменевтике, теории языковых игр, семиотике, истории и философии вербальной коммуникации.

Предназначено для подготовки бакалавров по направлению: 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью».

УДК 003:316.77(075.8)

ББК 60.54я73

© Вязьмин А. Ю., 2020

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ. ЯЗЫК, ГЛОТТОГЕНЕЗ, ОБЩЕСТВО	4
1.1. Введение в дисциплину: теоретические и практические методы речевой и письменной коммуникации	4
1.2. Язык и речь как отличительные черты социальной коммуникации человека	6
1.3. Гипотезы происхождения языка	7
1.4. Лингвистика: языки, народы, общество	12
2. КУЛЬТУРА РЕЧИ. ФУНКЦИИ РЕЧИ	18
2.1. Речевая норма и культура речи: языковая и литературная нормы	18
2.2. Типы речевой культуры, функции языка, функциональные стили речи и текста	23
3. ГЕРМЕНЕВТИКА: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	29
3.1. Герменевтика и ее место среди других гуманитарных дисциплин	29
3.2. Предыстория и история герменевтического метода	29
3.3. Проблема универсальности понимания	33
3.4. Базовый принцип герменевтики: понимание части и целого	35
3.5. Речь как диалог: «диалектика» вопроса и ответа	38
3.6. Применение герменевтики в литературоведении, журналистике, переводческой деятельности, рекламе	42
4. ГЕРМЕНЕВТИКА И СОЦИОЛОГИЯ	46
4.1. Связь между социологией, герменевтикой и лингвистикой	46
4.2. Понятие «коммуникативного действия» и герменевтика	50
4.3. Языковой характер человеческого опыта	52
5. НАЧАЛА СЕМИОТИКИ	56
5.1. Семантический треугольник стоиков как первая геометрическая модель, описывающая процесс означивания	56
5.2. Понятие семиозиса, процесс означивания и три его фактора: интерпретаторы знака, знак, обозначенный факт	57
5.3. Знаковые системы	60
5.4. Основные разделы семиотики: семантика, синтактика, прагматика	61
6. СЕМИОТИКА И КОММУНИКАЦИЯ	64
6.1. Структура коммуникативного акта с точки зрения семиотики	64
6.2. Семиотический анализ исполнителя речевого акта в рекламе	66
6.3. Целевые установки текстов и речевых актов	71
7. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	76
7.1. Обзор теория речевой коммуникации	76
7.2. Теория развития средств речевой и письменной коммуникации (согласно М. Маклюэну)	79
7.3. Футуристический прогноз развития речевой и письменной коммуникации	81

1. ВВЕДЕНИЕ В ДИСЦИПЛИНУ. ЯЗЫК, ГЛОТТОГЕНЕЗ, ОБЩЕСТВО

1.1. Введение в дисциплину: теоретические и практические методы речевой и письменной коммуникации

Проблемами речевой деятельности как особой формы взаимодействия между людьми занимаются представители разных научных дисциплин – философы и культурологи, социологи и педагоги, политологи и религиоведы, психологи и лингвисты. Изучение общения между людьми посредством речевой деятельности, так называемой вербальной коммуникации, занимает важнейшее место в современных теориях коммуникации. Тем не менее, сам термин «речевая деятельность» в разных научных дисциплинах понимается неоднозначно. Так, например, в *языкознании* понятие *речевой деятельности* рассматривается как один из аспектов языка, который выделяется наряду с двумя остальными – *речевой организацией* (синтагматическими¹ конструкциями языка) и *языковой системой* (языковой парадигмой²). Обстоятельное обоснование выделения речевой деятельности в самостоятельный аспект языка было предложено выдающимся отечественным лингвистом, академиком **Л. В. Щербой** (1880–1944), который в статье «*О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*» (1927) писал, что речевая деятельность – это совокупность процессов актов говорения и понимания, добавляя при этом, что «процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем “языком”» [16, 25].

Обычно принято выделять в речевой деятельности четыре самостоятельных процесса: *говорение*, *аудирование* (понимание произнесенного вслух), *чтение* (понимание визуально представленного текста) и *письмо* (составление визуально представленного текста). Такое выделение четырех процессов связано с исследованиями в области психологии языка и речи (в частности, со школой **Л. С. Выготского** [4], показавшей, что эти четыре процесса соотносятся с четырьмя разными процессами умственной деятельности) и используется в ряде психологических и педагогических практик, например, в методике преподавания иностранного языка.

Говорение и аудирование можно объединить в группу *устной речевой деятельности*, а чтение и письмо – в группу *письменной речевой деятельности*. Тогда, с учетом семиотического понимания теории вербальной

¹ Подробнее о термине см. разд. 5 «Начала семиотики».

² Там же.

коммуникации, название данной дисциплины наиболее полно и точно можно сформулировать так: *языковые системы и речевая организация в устной и письменной речевой коммуникативной деятельности*.

Предмет данной дисциплины требует в основном рассмотрения его в первую очередь со стороны языкознания, а затем уже – со стороны социальных, культурных или психологических аспектов. Вот основные названия и определения дисциплин, составляющих исследовательскую сферу языкознания.

Языкознание в широком смысле – систематическое изучение феноменов речи и языка. Общее языкознание условно можно разделить на **филологическую** и **лингвистическую** составляющие.

Филология – совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в его языке и литературном творчестве. По структурно-языковому и культурному признаку в этой совокупности наук принято выделять *классическое, романское, германское, славянское* и многие другие направления в филологии. К совокупности филологических наук также можно отнести и такие дисциплины, как *риторика, литературоведение* и *теория литературы*.

Лингвистика (сейчас раздел семиотики) – это наука о естественных и искусственных видах человеческого языка и обо всех языках мира как индивидуальных репрезентантах человеческого языка вообще. Лингвистика имеет множество подразделов.

Общая лингвистика занимается выявлением наиболее общих законов и правил, выполняющихся для большинства естественных языков мира. Представление этих правил в виде структур составляют основу *структурной лингвистики*, которая, в свою очередь, использует большинство из них для исследования многих искусственных языков.

Нормативная лингвистика (иначе: *прескриптивная, предписательная*) – это раздел лингвистики, изучающий устойчивые общеупотребительные и условно-общеупотребительные формы говорения или письма на том или ином языке. Результатом исследований в области нормативной лингвистики становятся правила *грамматики, орфографии* и *орфоэпии*.

Эмпирическая лингвистика – это дескриптивный раздел лингвистики, описывающий доступные непосредственному наблюдению реальные речевые акты. В сферу эмпирической лингвистики часто входят этические, социальные, культурные, психологические и другие аспекты речевой деятельности.

Этимология – раздел лингвистики, изучающий происхождение слов в тех или иных языках.

Герменевтика в узком смысле – это возникшая в XIX в. из совокупности филологических дисциплин научная теория и практика понимания

(и интерпретации) текстов и речевых актов. В широком смысле под *герменевтической составляющей* часто понимают всю ту область общего языкознания, которая включает в себя многие вопросы *филологии, философии, истории, психологии, культурологии, эстетики, риторики, культуры речи, теории литературы, журналистики, поэтики*.

Семиотика – это сравнительно молодая, возникшая в среде лингвистики в XX в. наука, изучающая знаки и знаковые системы. Тем не менее, статус семиотики среди других наук оказался таков, что наоборот, традиционная *лингвистика* как дисциплина, касающаяся лишь языкознания, стала ее частью.

Семантика в широком смысле – раздел семиотики, изучающий корреляцию между знаком и обозначаемым фактом. В узком смысле под семантикой понимают исследование лингвистических структур из лексических и фразеологических единиц в соответствии с их возможностями выразить тот или иной осмысленно репрезентируемый в языке факт.

1.2. Язык и речь как отличительные черты социальной коммуникации человека

Вербальную коммуникацию принято рассматривать как специфическую форму социального взаимодействия. С точки зрения антропогенеза, феномен вербальной коммуникации как формы социального взаимодействия происходит из совместной деятельности человекообразных предков в добывании пищи из необходимости самозащиты, из их стремления приспособиться к своему месту обитания в окружающем мире. Тем не менее, сама потребность в коммуникации как в обмене информацией не является отличительной чертой одного лишь человека. Если провести сравнение между коммуникацией человека и животных, то можно прийти к выводу, что биологической природе присуща природная функция коммуникации: создание посредством обмена информацией наиболее благоприятных условий жизни в процессе идиоадаптации к окружающей среде. Коммуникативная система знаков, при помощи которой, например, общаются представители животного мира, напоминает язык, но она далека от вербальной, в которой имеется возможность репрезентации абстрактных понятий. Коммуникативная система знаков у животных может быть сложна, она не обязательно представляет собой звуковую систему знаков, но в любом случае она призвана передавать информацию об опасности, наличии пищи, возможности полового контакта. Этологи – специалисты по поведению животных – отмечают наличие знаков у насекомых, рыб, птиц, млекопитающих. Многие животные со сложной социально организованной систе-

мой отношений, такие, как дельфины или высшие приматы, способны давать себе и друг другу своеобразные «имена» – идентификационные знаки, отличающие одну особь от другой. Однако такие знаки не составляют язык и не являются речью.

Речь в своей коммуникативной функции (или вербальная коммуникация) имеет ту отличительную от всякой другой звуковой системы знаков черту, которая выделяет ее как коммуникацию, связанную с рефлексией (процессуальностью самосознания), могущую функционировать в режиме аутокоммуникации и позволяющую обозначать абстрактные (инвариантные по отношению к бесконечному количеству представлений) предметности.

Таким образом, коммуникация не является изобретением человека, потребность в ней имеет биологическую природу, однако вербальная коммуникация присуща исключительно человеку, причем не врожденным способом, а благодаря воспитанию и системе общественных отношений. По словам немецкого филолога и фольклориста **Я. Гримма** (1785–1863), «...язык не есть прирожденное человеку свойство и во всех своих проявлениях, достижениях и успехах он не может быть приравнен к крикам животных; в некоторой степени общим для них является только одно – их основа, необходимо обусловленная физической организацией... тела» [6, 57].

1.3. Гипотезы происхождения языка

Проблема происхождения языка является одной из наиболее загадочных проблем как для лингвистики, так и для целого ряда биологических и социальных наук. Прямого ответа на этот вопрос современная наука дать не в состоянии. Поэтому проблема *глоттогенеза* (др.-греч. γλῶσσα – язык, γένεσις – происхождение), как и сопутствующая ей проблема *антропогенеза* (др.-греч. ἄνθρωπος – человек) в целом, решается, в основном, с помощью гипотез.

Однако, если проблема антропогенеза находит подкрепление в палеонтологических исследованиях исчезнувших популяций и в генетических исследованиях ныне живущих популяций человеческого вида, то с проблемой глоттогенеза дело обстоит куда сложнее. Современная наука соглашается с тем, что язык и мышление опосредовали друг друга в процессе антропогенеза, но не дает детальной картины такого опосредования. Так, например, до сих пор не ясно, какие элементы и на каком этапе возникновения языка сложились стихийно, в силу биологических особенностей человека или под влиянием его приспособления к окружающей среде, а какие – были приняты им конвенционально, т. е. в силу развития общества и становления общественного договора.

История и философия науки, занимаясь, в частности, исследованием становления проблематики глоттогенеза как эпистемологической задачи, выявила, что гипотезы стихийного и конвенционального происхождения языка разрабатывались человечеством независимо друг от друга и имели характер неразрешимого противоречия. Впервые противоречие между гипотезами стихийного и конвенционального происхождения языка обнаружило себя в эпоху Античности. Античные мыслители выдвинули две гипотезы происхождения языка: *φύσει* (т. е. *по природе*, сторонники: **Гераклит** (544–483 гг. до н. э.), **стоики**, **эпикурейцы**) и *θήσει* (то есть *по договору*, сторонниками этой гипотезы был и **Демокрит** (460–370 гг. до н. э.), **Аристотель** (384–322 гг. до н. э.), и отчасти **Платон** (427–347 гг. до н. э.), аргумент которого в пользу договора состоял в косвенном опровержении гипотезы *φύσει* возможностью переименования и поэтических неологизмов).

Согласно гипотезам *φύσει*, язык людей в той или иной мере является продолжением протоязыка природы: либо звуков окружающей природы (стоики), либо звуков, присущих природе человека (эпикурейцы). Особняком в этих гипотезах держалось мнение Гераклита, который считал, что язык людей возникает вследствие мистического или интуитивного постижения ими «тайного языка природы» – внутренне присущего пананимической природе Логоса, который мыслился им подобно универсальной стихии.

Согласно гипотезам *θήσει*, язык – это сознательное изобретение людей на определенном этапе развития человеческого общества: люди догадались до полезности языка, когда он им понадобился. Проблема состоит в том, что, чтобы договориться о полезности языка, нужно уже иметь какое-то средство общения, т. е. язык. Следовательно, данная гипотеза объясняет не само происхождение языка, а только осуществление его постепенного усложнения. Поэтому Платон и придерживался гипотезы «двойного» происхождения языка: сначала определённый базис языка формируется *φύσει*, а затем усложняется в результате изобретения дополнительных средств в ходе общественных договоренностей.

Одной из первых в рамках *φύσει* появилась *звукоподражательная* или *ономатопоэтическая* гипотеза (ономатопозья: др.-греч. ὄνομα – имя, ποιῆν – творить). В Античности ее высказывали отчасти тот же Платон, а также стоики. В той или иной форме она содержится и в бытовых донаучных представлениях о языке, и в некоторых научных концепциях более поздних по отношению к Античности исторических периодов, например, у **Г. В. Лейбница** (1646–1716) или у **Ф. М. Мюллера** (1823–1900). В соответствии с гипотезой о звукоподражательном характере первых слов человеческого языка, человек в ранние периоды своего развития подражал звукам окружающего мира: крикам птиц, зверей, шуму воды, грома, и т. п. Эта справедливая в отношении некоторых (весьма немногих) слов гипотеза

все же в «сильном» своем варианте должна быть расценена как весьма наивная. Аргументом, разрушающим эту гипотезу, будет сопоставление элементов звукоподражания, присутствующего в различных современных языках: англ. *bow-wow, to bark* вовсе не схоже с рус. *гав-гав, гавкать*, и уж тем более *лаять*. Однако к этому аргументу можно выдвинуть и косвенные контраргументы, например, фонетические изменения первичных оноματοпозм в результате обособленного развития языков или психологическую общность мотивации любой звукоподражательной деятельности.

Вторая гипотеза, близкая к звукоподражательной и возникшая в рамках *φύσει* – это *междометная* или *рефлексная*. Сторонником этой гипотезы в Античности был древнегреческий философ **Эпикур** (341–271 гг. до н. э.). В Новое время междометной теории происхождения языка придерживались биолог и создатель эволюционной теории **Ч. Дарвин** (1809–1882), лингвисты **В. фон Гумбольдт** (1767–1835) и **А. А. Потебня** (1835–1891). Все эти мыслители высказывали предположение, что первым толчком к созданию слов должен считаться не внешний мир, а внутренние эмоциональные состояния человека. При этом эмоциональные состояния человек выражал не только с помощью звуков, но и отчасти с помощью жестов. Жесты должны были играть роль посредника между рефлекторным звуковым сопровождением эмоций и демонстрацией предметов, которые их вызывают. Физиолог, психолог и лингвист **В. Вундт** (1832–1920) считал, что проторечевые звуки первобытного человека (т. е. рефлексные междометия) выражали чувства, жесты же – представления о связи чувств и предметов. В соответствии с мотивацией жестов, он выделял три вида жестов: указательные (пальцем), изобразительные (круговое движение рукой), символические (пальцы у губ). По мысли Вундта, в ходе эволюции звуковой междометный язык совершенствовался, в то время как язык жестов все более играл вспомогательную роль [3]. Как и звукоподражательная, междометная гипотеза не объясняет многого в языке, хотя и следует признать, что роль жестов и междометий в речевом поведении современного человека весьма существенна.

Резюмируя сказанное о гипотезах *φύσει*, можно отметить, что обе гипотезы не могут дать полной и достоверной картины глоттогенеза. Из желания подчеркнуть вероятностно-правдоподобный характер этих обеих гипотез, оноματοпозетическую гипотезу за ее ограниченность некоторые ученые в шутку называют *гипотезой «гав-гав»*, а междометную – *гипотезой «тьфу-тьфу»*.

Конвенциональная гипотеза *ἤσει*, представленная в античной философии рассуждениями **Демокрита** (460–370 гг. до н. э.), **Платона** (427–347 гг. до н. э.) и **Аристотеля** (384–322 гг. до н. э.), в Новое время была подхвачена теоретиками социальной философии. Социальный аспект

этой гипотезы состоял в заимствовании из эмпирической философии теории *социального договора*, которая рассматривала язык как сознательное изобретение и творение людей, утверждаемое не просто договором между ними, а самой необходимостью договора. Эти гипотезы, хотя и были высказаны в контексте понятия социального договора эмпиристов, получили особую популярность в среде рационалистов XVIII в. (**Э. Б. де Кондильяк** (1715–1780), **А. Смит** (1723–1790), **Ж.-Ж. Руссо** (1712–1778)). Французский просветитель Руссо (как и Платон в Античности) высказывал соображения по поводу «двойного» происхождения языка и, в связи с этим, подразделял жизнь человечества на два периода: природный и цивилизованный. В первый период человек был частью природы и его относительно несложный язык происходил от чувств: «страсти вызывали первые звуки голоса», которые становились затем символами предметов, действующих на слух, в то время как предметы, действующие на зрение, обозначались жестами. С появлением собственности в эпоху формирования земледелия и скотоводства язык стал менее эмоциональным, более «сухим, рассудочным и методическим», что означало для Руссо определенного вида речевой регресс [12, 221–267]. Именно рациональное подведение человека, по мнению Руссо, якобы оказалось причиной социального договора и государства, а также способствовало появлению социальных договоренностей и в отношении языка. Тем не менее, контраргументом к этой гипотезе всегда высказывалось соображение, что само становление социального договора должно и может осуществляться средствами какого-то достаточно сложного коммуникативного действия, на роль которого не могут претендовать ни звукоподражания, ни междометия, ни жесты.

Во второй половине XIX в. **Л. Нуаре** (1827–1897), развивая идеи «двойного» происхождения языка и настаивая на том, что первоначальный протоязык человеческих предков был преимущественно жестовым, предложил новую гипотезу – гипотезу *трудовых выкриков*, которая должна была, согласно его мнению, снять вековые противоречия между $\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$ и $\Theta\acute{\eta}\sigma\epsilon\iota$ и показать, как человечеству удалось преодолеть барьер между ограниченными возможностями протоязыка жестов и функциональными возможностями праязыка, на котором мог бы быть осуществлен социальный договор. Известно, что при совместной работе выкрики и возгласы облегчают и организуют трудовую деятельность. По мнению Нуаре, сначала произвольные выкрики превратились в символы трудовых процессов, а позже – легли в основу праязыка [1]. В ходе обсуждения гипотезы Нуаре выяснилось, что эта гипотеза все же явилась инвариантом междометной и ввиду этого мало объясняла преодоление барьера между протоязыком и праязыком. Хотя выкрики и имели место в трудовом процессе человеческих предков, в целом весьма маловероятно, что праязык развивался из звуков, имеющих инстинктивный характер.

На основании наивной гипотезы «трудовых выкриков» Нуаре и лармарковского прочтения эволюционной теории Ч. Дарвина **Ф. Энгельс** (1820–1895) предложил более сложную, но весьма размытую *биосоциальную* гипотезу возникновения языка: развитие труда эволюционно способствовало тесному сплочению членов общества и взаимной поддержке. Так, у человека в ходе эволюции сформировалась потребность в вербальной коммуникации и появился соответствующий орган речи – низкорасположенная гортань, позволяющая контролировать выдох и инстинктивное извлечение звука на выдохе. Поэтому происхождение языка неотделимо от вопроса об эволюционном происхождении человека, а современный язык человечества – это система коммуникативных сигналов, с одной стороны разработанная на основе развитого интеллекта (*социальная составляющая* гипотезы Энгельса) первобытным человеком, а с другой – унаследованная им от человекообразных предков и доведенная до совершенства в процессе эволюции (*биологическая составляющая* его гипотезы) [17, 486–499].

Конец XIX в. был ознаменован появлением новых гипотез антропогенеза, значительная часть которых была инспирирована палеонтологическими находками и открытиями в естественной психологии, где эмпирическим путем выяснилось наличие участков головного мозга, ответственных за речь. Результатом таких исследований стало хронологическое определение возникновения некоторых элементов речи в истории гоминид. Так, по отпечаткам коры головного мозга неандертальцев на внутренней поверхности черепной коробки было определено наличие у них *зон Вернике* – участков, ответственных за распознавание быстрых членораздельных звуков, и *зон Брока* – участков управления моторикой языка и голосовых связок. Это означает, что зарождение протоязыка началось где-то около 600–500 тыс. лет назад, задолго до появления человека современного типа.

С 20-х гг. XX в. начали формироваться взгляды советской психологической школы, рассматривавшей проблему глоттогенеза в свете правдоподобного принципа повторения в *онтогенетическом* развитии ребенка стадий *филогенетического*, а значит и исторического становления языка. Основоположник школы **Л. С. Выготский** [4] считал, что «высшие психологические функции» человека в отличие от предложенной бихевиоризмом пары *стимул–реакция* следует рассматривать как имеющие дополнительные звенья опосредования в виде *знаков* и *знаковых систем*. Проблемы познавательного развития человека, глоттогенеза и развития культуры являются основными для школы Л. С. Выготского и его соратников: **А. Р. Лурия**, **А. Н. Леонтьева**, и др. В рамках развитой ими *культурно-исторической психологии* был выдвинут ряд предположений о происхождении языка, согласно которым сначала у ранних гоминид присутствовала

доречевая фаза развития интеллекта, потом внеинтеллектуальная фаза развития речи, и только потом интеллект и речь стали развиваться в опосредовании друг другом.

Еще одну гипотезу глоттогенеза выдвинул американский лингвист, философ и психолог **Н. Хомски** (1928). Согласно его мнению, также подкрепленному наблюдением за онтогенетическим развитием детей, ребенок учится только значимым фонемам, т. е. корням-основам речи, в то время как *универсальная грамматика* речи является генетически врожденной способностью, проявляющей себя на стадии формирования нейронных связей наряду со способностью к интеллектуальной деятельности [15].

Резюмируя все вышеперечисленное, из вопроса о происхождении языка можно сделать несколько лишь несколько общих выводов:

1) основой для возникновения языка и речи служит фонетическая коммуникация, свойственная животным предкам человека;

2) на становление языка как явления повлияли: а) визуальная коммуникация предков человека, б) мышление, воображение и память, с) усложнение социальных отношений.

1.4. Лингвистика: языки, народы, общество

Многообразие языков всех народов мира необходимо исследовать систематически, т. е. рассматривать их в рамках какой-либо предложенной классификации. На сегодняшний день имеются две связанных между собой, но все же различных классификации языков.

1. Генеалогическая классификация языков

Основу генеалогической (*др.-греч. γένεσις* – происхождение) классификации языков составляет *сравнительно-исторический метод* изучения языков с целью определения степеней их родства. Толчком к разработке сравнительно-исторического метода в лингвистике было открытие для европейской науки *санскрита* (мёртвого литературного языка Древней Индии) и его описание, сделанное английским филологом **У. Джонсом** (1746–1794). Генеалогическая классификация преследует несколько целей: 1) поиск родственных языков, т. е. языков, имеющих одного предка (*праязык языковой группы, языковой семьи*), который со временем разделился на несколько самостоятельных ветвей; 2) установление закономерности изменения языков в пределах группы или семьи; 3) реконструкция праязыка, общего для таксона: языковой группы или семьи.

Основанием для установления родства языков является близость их морфологической структуры: близость корней слов, наличие схожих по звуча-

нию и значению слов, близость способов словообразования и т. д. Крупный таксон, в котором можно отметить не менее 1/6 совпадений морфологической структуры между родственными языками, называется *языковой семьей*. Языки, имеющие ряд совпадений морфологии внутри семьи, объединяются в *языковую группу*.

2. Типологическая классификация языков

Целью типологической классификации в лингвистике является выявление языков одного строя или одной морфологической структуры, под которой понимается способ составления морфем и лексем из фонем. Типологическую классификацию составляют неродственные, но схожие по морфологической структуре языки. Сходство языков в ряде случаев можно объяснить схожестью мышления у разных народов.

Самое крупное обобщенное представление об основных разновидностях языковой морфологической структуры в этой классификации языков называется *типом языка*. Существуют четыре *типа языков* (согласно **В. фон Гумбольдту** [7, 313–336]).

Флексивные – языки, в которых морфологический способ образования новых значений строится путем прибавления к основе-корню (как внутрь корня, так и снаружи корня) морфем, имеющих сразу несколько значений: и числа, и рода, и лица, и падежа, и т. д. Флексивные языки подразделяются на *аналитические* и *синтетические*: в *синтетических* имеются отдельные элементы словообразования *агглютинативного* типа, хотя в целом такие языки остаются *флексивными*. К языкам такого типа относятся большинство языков индоевропейской и афразийской языковых семей, в том числе синтетическим флексивным языком является русский.

Агглютинативные (аффиксирующие) – языки, в которых морфологический способ образования новых значений строится путем прибавления к основе-корню морфем-аффиксов, имеющих только одно значение. Большинство языков тюркской группы построены по такому принципу словообразования.

Аморфные – языки, в которых морфологический способ образования новых значений строится без флексий и аффиксов, т. е. одни корни-основы. Таким языком, например, является китайский.

Инкорпорирующие (полисинтетические) – языки, в которых морфологический способ образования новых значений состоит в построении слова-высказывания как одной целой лексемы. Примером такого языка может быть мертвый язык индейцев науатль (ацтекский): *нинакаква* – «я ем мясо».

На сегодняшний день на Земле существует около 7 000 языков. Все языки находятся во взаимодействии друг с другом, особенно с соседними языками, развиваются, заимствуют друг у друга лексические значения

и правила. Так или иначе развитие языка происходит только тогда, когда имеется некоторое, необходимое для этого количество носителей. Большинство языков на Земле – это языки без письменности.

Живой язык – это язык, являющийся в данный момент разговорным языком того или иного народа и, в связи с этим, не остающийся неизменным.

Мертвый язык – язык, вышедший из живого употребления (переставший быть естественным разговорным языком) и сохраняющийся либо исключительно в письменных памятниках, либо еще и в искусственном регламентированном употреблении, например, латинский язык. Явление массовой коммуникации, появившееся в XX в. как очередной значимый этап глобализации, приводит к сокращению числа живых языков.

Искусственный язык – это язык, специально созданный для определенных целей коммуникации, не развивающийся, не имеющий носителей и являющийся для всех коммуникантов исключительно «вторым» языком. К таким языкам относятся эсперанто, эльфийский язык и т. д.

Факт развития языков у коммуникантов-носителей указывает на взаимосвязь языка и общества. Существуют три точки зрения на взаимосвязь языка и общества.

1. Развитие и существование языка полностью определяется обществом. Такую точку зрения на соотношение языка и общества разделяли французские лингвисты **А. Мейе** (1866–1936) [10], его ученик **Ж. Вандриес** (1875–1960) [2], и отечественный лингвист **Н. Я. Марр** (1864–1934) [8].

2. Язык развивается и функционирует по своим собственным законам. Эту точку зрения отстаивал близкий к структуралистам польский лингвист **Е. Курилович** (1895–1978) [9].

3. Язык влияет на специфику духовной культуры общества. Эта гипотеза, также называемая *гипотезой лингвистической относительности*, принадлежит американским лингвистам и антропологам **Б. Л. Уорфу** (1897–1941) [14] и **Э. Сепиру** (1884–1939) [13].

Резюмируя все три высказанные точки зрения, можно утверждать, что язык и общество связаны двусторонними отношениями и, скорее всего, ведущая роль в этих двусторонних отношениях принадлежит обществу.

Одним из следствий взаимосвязи языка и общества является *социальная дифференциация языка*. Так, внутри одного и того же языка образуются несколько отличающиеся друг от друга варианты этого языка, связанные с коммуникацией отдельных социальных групп. Возможны следующие виды социальной дифференциации языка:

1) по роду занятий (*профессиональные жаргоны*), например, «компáс» у моряков, «комплéксный» у математиков, «атóмный» у химиков;

2) по сословным или классовым социальным группам, например, *кастовые языки* аристократии в феодальных государствах и язык народа, или *арго* (*жаргон*) деклассированных групп;

3) по возрастному признаку, например, язык детей, молодежный сленг, язык стариков;

4) по гендерному признаку, например, в японском языке существуют его мужской и женский варианты.

Особую форму социального расслоения языка представляет собой его *функционально-стилистическая* дифференциация, т. е. наличие функциональных стилей, различающихся по сферам использования в целях коммуникации: *разговорный, научный, официально-деловой, публицистический, стиль художественной литературы.*

Также благодаря взаимодействиям между социальными явлениями и языком имеются следующие функциональные формы языка и речи.

Территориальный диалект – древнее языковое образование, которое до появления письменности было универсальной формой существования языка.

Жаргон – экспрессивная речь (обычно лексика и фразеология) социальных и профессиональных групп людей (школьников, студентов, солдат).

Условный язык – лексическая система, предназначенная преимущественно для выполнения конспиративной функции.

Литературный язык – высшая форма общенародного национального языка обслуживает основные общественно важные сферы общения: государственное и хозяйственное управление, науку, образование, культуру, художественную литературу и др.

Особые формы существования языка представляют собой *вспомогательные языки межкультурного общения:*

лингва франка (лат. *lingua franca* – «франкский», т. е. варварский язык) – языки-посредники, использующиеся в торговых и профессиональных контактах;

койне (др.-греч. κοινή – общий) – средство межкультурного общения, которое возникает первоначально на базе одного из диалектов как говор, используемый в военных или культурных целях;

пиджин (англ. *pigeon* – голубь) – смесь европейского (или нескольких европейских) и туземного языка. Пиджин возникает стихийно в процессе коммуникации и ни для кого из коммуникантов не является родным;

креольский язык – родной язык одной этнической группы в колониальной или зависимой стране.

Вопросы для повторения

1. Сколько психологических процессов можно выделить в речевой деятельности?
2. Что составляет языкознание?
3. Чем филология отличается от лингвистики?

4. Чем занимается нормативная лингвистика?
5. Что такое семантика как раздел семиотики?
6. Какие гипотезы глоттогенеза представляют собой трудно разрешимое противоречие?
7. В чем состоит ономапоэтическая гипотеза происхождения языка?
8. Как преобразовал междометную гипотезу глоттогенеза Л. Нуаре?
9. В чем состоит заслуга Л. С. Выготского для проблемы глоттогенеза?
10. Какие на сегодняшний день имеются классификации языков?
11. Что такое языковая семья?
12. Какой язык является аморфным с точки зрения типологической классификации и морфологии?
13. В заключается различие между живым и мертвым языками?
14. Что такое искусственный язык?
15. Какую точку зрения на соотношение языка и общества разделял отечественный лингвист Н. Я. Марр?
16. Может ли иметь место явление гендерной дифференциации языка?
17. Что такое «лингва франка»?
18. Что такое пиджин?

Список литературы к разделу 1

1. Noiré, L. Der Ursprung der Sprache : monographie / L. Noiré. – [1. Aufl.] – Mainz : Verlag von Victor v. Zabern, 1877. – 408 s. – [ARK : /13960/t86h4nr5p]. – Text (visuell): elektronischer. – URL: <http://books.google.com/books?id=pRYMAAAAMAAJ&oe=UTF-8> (Datum des Zugriffs: 16.08.2019).
2. Вандриес, Ж. Язык: лингвистическое введение в историю : монография : пер. с фр. / Ж. Вандриес, проф. Парижского ун-та ; примеч. П. С. Кузнецова ; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. – [1-е изд.]. – Москва : Гос. соц.-экон. Изд-во, 1937. – 410 с. – [ОГИЗ № 1741]. – Текст (визуальный) : электронный. – URL : <https://www.prilib.ru/item/391936> (дата обращения: 16.08.2019).
3. Вундт, В. Проблемы психологии народов : [Текст] : пер. с нем. / В. Вундт. – Москва : Академический Проект, 2011. – 136 с. – (Социальная психология). – ISBN 978-5-8291-1284-4. – Текст : непосредственный.
4. Выготский, Л. С. Мышление и речь : [Текст] / Л. С. Выготский. – 5-е изд., испр. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с. – ISBN 978-5-4454-0723-2. – Текст : непосредственный.
5. Гойхман, О. Я. Основы речевой коммуникации : учебник для вузов / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина ; под ред. О. Я. Гойхмана. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ИН-ФРА-М, 1997. – 272 с. – ISBN 5-86225-367-X. – Текст : непосредственный.
6. Гримм, Я. О происхождении языка : Доклад, извлечения (прочитано в Берлинской Академии наук 9 января 1851 года) // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. : хрестоматия / сост. В. А. Звегинцев. – [1-е изд.]. – Москва : Гос. учебн.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 53–64 (459 с.). – [А 10193]. – Текст : непосредственный.

7. Гумбольдт, В. фон. План сравнительной антропологии : [Текст] / В. фон Гумбольдт, Язык и философия культуры : сборник статей / пер. с нем., составл. под ред. А. В. Гулыги. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 318–336 (452 с.). – [Изд. № 10193]. – Текст : непосредственный.

8. Десницкая, А. В. Н. Я. Марр и задачи исторического языкознания : [Статья] / Известия АН СССР. Отделение литературы и языка : Научный журнал / Учредитель и издатель: АН СССР. – Москва, 1949. – Т. VIII. – Вып. 5. – С. 467–473. – [ISSN 1605-7880 (для печатных выпусков с 2002 г.)]. – Текст : непосредственный.

9. Курилович, Е. Очерки по лингвистике : сборник статей / Е. Курилович ; пер. с польск., франц., англ., нем. под ред. Э. Макаева. – [1-е изд.]. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 456 с. – Текст : непосредственный.

10. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании : [Текст] / А. Мейе ; пер. с фр. А. В. Дилигенской ; под ред. Б. В. Горнунга, М. Н. Петерсона. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004. – 104 с. – (Лингвистическое наследия XX в.). – ISBN 5-354-00493-4. – Текст : непосредственный.

11. Платон. Кратил, или О правильности имен : [Текст] / Платон. Соч. в 4-х томах. Т. 1 : [Текст] / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева ; пер. с древнегреч. – Москва : Мысль, 1990. – [1-е изд.]. – С. 613–681 (680 [2] с.). – (Философское наследие). – ISBN 5-244-00385-2; 5-224-00835-4. – Текст : непосредственный.

12. Руссо, Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. Избр. соч. в 3-х томах. Т. 1 : [Текст] / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с фр. Е. Н. Лысенко [и др.]. – [1-е изд.]. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1961. – С. 221–267 (582 с.). – Текст : непосредственный.

13. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : [Текст] / Э. Сепир ; пер. с англ. под ред. А. Е. Кибрика. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс; Универс, 1993. – 656 с. – [Изд. № 45631]. – Текст : непосредственный.

14. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление : [Текст] / Новое в лингвистике : Сборник научных трудов / под ред. В. А. Звегинцева. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 169–182 (462, [2] с.). – Текст : непосредственный.

15. Хомски, Н. Язык и мышление : [Текст] / Н. Хомски ; пер. с англ. под общ. ред. В. А. Звегинцева. – [1-е изд.]. – Москва : Издательство московского университета, 1972. – 122 с. – (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики). – Текст : непосредственный.

16. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность : монография / Л. В. Щерба ; под ред. Л. Р. Зиндер [и др.]. – [1-е изд.]. – Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1974. – 428 с. – Текст : непосредственный.

17. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Собр. соч. Т. 20 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 486–499 (827 [1] с.). – Текст : непосредственный.

2. КУЛЬТУРА РЕЧИ. ФУНКЦИИ РЕЧИ

2.1. Речевая норма и культура речи: языковая и литературная нормы

В нормативной, или прескриптивной лингвистике, принято различать *языковую норму*, *грамматическую норму* и *литературную норму*. В первую очередь необходимо дать определение *языковой норме*, для чего следует дать определения *системы языка* и *узуса* и показать отношение языковой нормы к этим определениям.

Система языка – это допускаемая регулярная возможность использования присущих языку формальных и содержательных элементов и вытекающих из их лингвистической атрибуции видоизменений. Систему языка также можно определить как совокупность условий, обеспечивающих реализацию всех потенциальных возможностей языка. Тогда, *языковая норма* – это норма, которая в силу установленных общественных традиций, спонтанно разработанных правил, избирательно использует языковые элементы, их парадигматические изменения и сочетания. Если система языка допускает вариативность лексических единиц, то языковая норма осуществляет выбор определенных устойчивых вариантов из всех возможных.

Узус (лат. *usus* – пользование, употребление), в отличие от языковой нормы, включает в себя как традиционные, устойчивые, правильные формы, так и вне­традиционные, окказиональные – т. е. случайные – неправильные формы, зачастую популярные, но не принятые нормой (например, *крепкОЕ кофе*, *позвОнит*, *красивЕе*, *хайп*, *клиентоориентированный*). С учетом отношения к системе языка и узусу *языковую норму* согласно немецкому лингвисту Э. Кошеру (1921–2002) определяют еще и как совокупность наиболее стабильной практики осуществления элементов структуры языка [1, 43–51]. Характерными признаками *языковой нормы* являются: 1) *относительная устойчивость*; 2) *избирательность*; 3) *рекомендательный характер*; 4) *стихийно оцениваемая «правильность» нормы*.

Грамматическая и *литературная нормы*, в отличие от *языковой нормы*, – не просто закреплены языковой практикой, но являются *обязательными* для грамотной речи. Таковы, например, *орфография* и *пунктуация* – две наиболее известные регулярности грамматических норм. *Орфография* – это совокупность правил написания слов, иными словами – нормы правописания. *Пунктуация* – это совокупность правил (или норм) расстановки знаков препинания. Кроме того, для устной речи важна регулярность правил *орфоэпии* – совокупности норм литературного произношения лексем данного языка. Грамматические нормы необходимы для унификации устной и письменной речи, что, в свою очередь, облегчает коммуникацию между людьми, способствуя более быстрому извлечению значений из лексем.

Грамматическая норма, а также литературный язык и *литературная норма* применяются в разных сферах деятельности человека, например, в политике, культуре, науке, официальном и неофициальном общении, законодательстве, делопроизводстве, словесном искусстве. Обычно, человек в равной степени владеет двумя или более формами языка. Такая способность, например, говорить и литературным языком, и диалектом, или литературным языком и профессиональным жаргоном, называется *диглоссией*. *Литературная норма* не изобретается учеными-лингвистами, а только фиксируется ими как отражение процессов и явлений, происходящих в языке и обществе. К основным источникам фиксации литературной нормы относятся: 1) *произведения писателей*, 2) *язык средств массовой информации*, 3) *общепринятое современное употребление* (узус), 4) *научные исследования лингвистов*.

Нормативная лингвистика дает возможность языку сохранять унифицированное словоупотребление, делает его целостным и не распадающимся на поток из диалектной речи, жаргонов различных социальных групп и просторечия. В пределах *литературной нормы* всегда существуют варианты (книжные, разговорные), причем иногда предпочтительным является только один из них. Вариативные колебания нормы, как правило, связаны с явлением развития языка. Различные варианты являются стадиями перехода от устаревающей нормы к новой. В процессе развития языка постоянно происходят какие-то сдвиги в сторону функциональных разновидностей языка и диалектов. Как правило, литературные нормы письменной речи оформляются раньше, чем нормы речи устной. Кроме того, настоящее время характеризует тенденция к сближению письменной и устной речи.

Грамматическая и литературная нормы изменяются под влиянием различных факторов, но прежде всего – под влиянием событий, происходящих в обществе: в русском языке издавна в конце слов, заканчивающихся на согласный звук, писалась буква Ъ. Однако в результате реформы орфографии 1918 г. такая норма перестала действовать. Точно так же, согласно старым нормам орфографии, следовало писать *приДти*, *лоЙяльный* и *чОрт*, а в результате реформы 1956 г. появились новые нормы – *приЙти*, *лояльньй* и *чЁрт*. Если орфографические реформы проводятся с целью упрощения написания и приближения к современному для времени реформы словоупотреблению, орфоэпические нормы быстро меняются под влиянием диалектов и просторечий. Вместо устаревшей (1959 г.) формы ударения *шпрИца* (*родит. надеж*) существует возникшая (1983 г.) под влиянием медицинского профессионального жаргона форма *шприцА*, вместо *кулинАрия* произносятся сейчас с оттенком научности *кулинарИя*, а вместо [сливоШньй] и [булоШная] – просторечные [сливоЧньй] и [булоЧная].

Нормативная (прескриптивная) лингвистика вмешивается в качестве совокупности правил и в каждый *функциональный стиль* речи. Это так называемая *стилистическая норма*, которая не является абсолютным правилом, а носит относительный, вероятностный характер. Преимущество нормированного функционального стиля состоит в том, что с его помощью можно наилучшим образом в данных типовых условиях и при данных типовых целях общения осуществить процесс коммуникации. Например, для бытового словоупотребления, которое представляет собой разговорный функциональный стиль, неуместно употребление слова *идентичный* вместо *одинаковый*, или *таковой* вместо *этот*, или *нежели* вместо *чем*, или *ибо* вместо *потому что*, или *игнорировать* вместо *не обращать внимания* и т. п. Эти примеры наглядно показывают необходимость соблюдения в речи принципа *коммуникативной целесообразности* (одного из правил культуры речи), согласно которому функциональный стиль должен соответствовать условиям и целям общения.

В языкознании существует наука, чьим предметом исследования являются проблемы нормализации речи. Эта наука называется *культурой речи*, и в ней филологи и лингвисты разрабатывают рекомендации по умелому использованию языка. *Культура речи* содержит в себе три составляющих компонента: *нормативный* (из нормативной лингвистики), *коммуникативный* (из теории коммуникации), *этический* (из филологии, социологии, культурологии). Культура речи также пользуется научной методологией качественной оценки высказываний и для этого предполагает ответы на вопросы:

1) является ли речь правильной, построена ли она согласно принятым литературным нормам;

2) является ли речь «хорошей», т. е. уместна ли она в определенной ситуации, насколько она действенна, искусна и т. д.?

Согласно московскому лингвисту **Г. Я. Солганику** (1932–2016), культура речи не только наука, но и собственно владение речью, которое, в свою очередь, влияет на культуру человеческой деятельности, на общую коммуникативную, естественно-научную и гуманитарную культуру его познавательной деятельности [8]. *Культура речи* – это владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами орфоэпии, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка (метафоры, сравнения, фразеологические клише, термины, поговорки и пословицы) в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи.

Основными критериями, принятыми в качестве рекомендательной оценки культуры речи говорящего, являются [5]:

1) *правильность речи*. Под *правильностью* как раз понимается соблюдение языковой нормы, вытекающей из системы языка. Правильная речь согласуется с правилами орфоэпии, грамматики и стилистики. Правильная речь также согласуется с литературной нормой: так, например, следует говорить [*што*], а не [*что*]: [*квартАл*], а не [*квАр-тал*]; [*поезжай*], а не [*ехай*] и т. д;

2) *коммуникативная целесообразность речи*. Данный критерий культуры речи более ориентирован на стилистику речи, чем критерий правильности. Для соблюдения требований *коммуникативной целесообразности речи* говорящий должен иметь представление о стилистических градациях слов и выражений с целью употребления их в соответствующих коммуникативных ситуациях. Так, например, с точки зрения коммуникативной целесообразности нельзя сказать «*вошла девчонка, сверкнув очами*», поскольку слово «*девчонка*» имеет нейтральный, или даже фамильярный характер высказывания, для которого не является коммуникативно целесообразным использование славянизма «*очи*»;

3) *точность высказывания и точность выражения*. Данный критерий охватывает два взаимосвязанных аспекта речи: с одной стороны – это точность отражения в речи действительного положения дел, а с другой – точность выражения мысли в слове. Как отмечают философы, отражение в речи действительного положения дел связано со способностью рассудка оперировать объективными (интерсубъективно предметными) понятиями, которые, в свою очередь, являются коммуникативно определенными знаками, требующими точного употребления. Поэтому такие недостатки, как отсутствие конкретики (например, высказывание типа «*кто-то кое-где у нас порой...*») или смешение близких по звучанию, но разных по значению слов, которые называются паронимами (например, *осудит – обсудит, представит – предоставит*) являются неточностью высказывания в культуре речи. Кроме того, точность отражения в речи действительного положения дел связана с истинностью речевого высказывания, а значит и со следующим критерием – логичностью изложения;

4) *логичность изложения*. Логичность речи зависит от логичности мышления и представляет собой истинность отражения фактов действительности и их объективных связей (причина – следствие, различие – сходство, необходимость – случайность, целостность – частность и т. д.), а также в ряде случаев обоснованность выдвигаемой гипотезы, наличие аргументов за и против, сведение аргументов к выводу, доказывающему или опровергающему гипотезу. В качестве примеров нарушения *логики изложения* можно привести известные фразы – «*В огороде бузина, а в Киеве дядька*» или «*Шел дождь и два студента, один – в университет, другой –*

в галошах, а дождь шел им за шиворот». В письменной речи нарушение логики изложения может также проявляться, например, в неверном членении текста на абзацы;

5) *ясность и доступность изложения.* Данный критерий культуры речи вытекает из теории коммуникации и предполагает, что речь адресанта должна быть понятна ее адресату. Она достигается путем точного и однозначного употребления слов, терминов, словосочетаний, грамматических конструкций. К критерию ясности и доступности изложения относится также умение по необходимости пользоваться профессиональной терминологией, исключая злоупотребление ей. Примером нарушения ясности выражения и проявления двусмысленности может быть предложение – *«В других работах подобного рода цифровые данные по субурбанизации объекта также отсутствуют»;*

б) *чистота речи.* Порой в узусе используются некие чуждые литературным нормам элементы (слова и словосочетания), а также элементы, которые нежелательны в соответствии с нормами нравственности. К такого рода элементам относятся: 1) **слова-паразиты**, которыми механически (только по привычке) люди заполняют речь при раздумье, в паузах (*вот значит, так сказать*), 2) **диалектизмы** и просторечные слова (*чаво, здесь* и т. д.), 3) **варваризмы** (иностранные слова, имеющие русские эквиваленты – *анонс, пролонгирование* и т. п.), 4) **жаргонизмы** (*стибрили, умотать, лафа* и т. п.) и 5) **вульгаризмы** (бранные слова);

7) *выразительность речи.* Выразительностью речи называют такие особенности структуры речи, которые поддерживают внимание и интерес у слушателей и читателей. По функции средства выразительности речи можно классифицировать как: 1) **информационные** (когда слушателей заинтересовывает сообщаемая информация) и 2) **эмоциональные** (когда слушателей заинтересовывают способ изложения, манера исполнения и т. п.). По своему месту в системе языка средства выразительности речи бывают: 1) **эпитетами** (выражение яркого качественного признака), 2) **синонимами** (знаковая эквивокация понятий), 3) **метафорами** (сравнение, метонимия, гиперболы, литота, синекдоха и др. метафорические конструкции), 4) **аллегориями** (иносказательное сравнение), 5) **аналогиями** (сравнение по функциональному признаку), 6) **фразеологическими оборотами**, 7) **поговоротами** и **поговорками**. Сюда же примыкает и *разнообразие средств выражения*. Выполнение этого требования заключается в использовании в речи большого количества выразительных средств, что бывает в случае наличия у говорящего или пишущего большого объема лексического запаса и высокой лексической активности;

8) *эстетичность речи.* Данный критерий культуры речи связан с наличием в литературной норме правила неприятия таких средств выра-

жения, которые оказываются оскорбительными для чести и достоинства человека. В ряде случаев, в особенности в ситуациях, касающихся интимной сферы человека, для достижения эстетичности могут использоваться *эвфемизмы* – эмоционально нейтральные слова, употребляемые вместо слов и выражений, которые могли бы представиться говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. К эвфемизмам относят такие высказывания, как «ребенок испачкал пеленки», «у него расстройство желудка» и т. п.;

9) *уместность высказывания, тактичность*. Под уместностью высказывания в речевой культуре подразумевают определённый подбор и организацию в речи языковых средств, которые делают речь адекватной, т. е. отвечающей целям и условиям общения. Уместность тех или иных языковых средств зависит от контекста высказывания, ситуации высказывания, а также от психологических характеристик личности собеседника. Иллюстрацией действия этого критерия оценки культуры речи может быть высказывание **М. де Сервантеса** (1547–1616) – «*В доме повешенного не говорят о веревке*» из его романа «Дон Кихот».

2.2. Типы речевой культуры, функции языка, функциональные стили речи и текста

Принято выделять *четыре типа речевой культуры* носителей литературного языка [4], [5].

Элитарный тип – это эталонная речевая культура, отношение к которой означает свободное владение всеми возможностями языка, включающее его творческое использование. Элитарному типу речевой культуры присуще строгое соблюдение всех литературных норм. Носителями элитарного типа речевой культуры являются литераторы (писатели, поэты). Риторика в своих ценностных рекомендациях всегда опиралась на элитарный тип культуры речи.

Среднелитературный тип характеризуется неполным соблюдением норм, а также преобладанием в речи книжной (научной) лексики либо разговорных форм. Носителями среднелитературного типа речевой культуры является большинство образованных горожан. Проникновение среднелитературного типа речевой культуры в некоторые современные средства массовой информации, художественные произведения способствует его широкому распространению.

Литературно-разговорный и *фамильярно-разговорный* типы речевой культуры объединяют тех коммуникантов, которые владеют исключительно разговорным стилем. При этом, фамильярно-разговорный тип речевой

культуры отличается общей стилистической сниженностью и огрубленностью речи, в которых не только преобладают просторечия, но и жаргонизмы.

Типы речевой культуры тесно связаны с функциями речи, поскольку человек, интуитивно чувствуя коммуникативную ситуацию, выбирает тот тип речевой культуры, который оптимально подходит для того, чтобы использовать его возможности в осуществлении ситуативного набора функций речи. Не только культура речи, но и сама структура высказывания находится в зависимости от иерархии функций речи в каждой конкретной коммуникативной ситуации.

Функции речи можно рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения *психологии* и с точки зрения *социолингвистики* – науки, исследующей взаимосвязь между речью и языком как явлениями и между социальными условиями их существования. В *психологии* и *философии* принято выделять следующие функции речи:

1) *сигнификативную*³ (или *номинативную*) функцию – это функция обозначения, или иначе «называния» («именования»). Функция заключается в том, чтобы составлять системы знаков, в которых фонемы и графемы выступали бы в качестве знаков, обозначающих (указывающих или выражающих) обозначенный факт;

2) *рефлексивную* (или *репрезентативную*) – данная функция непосредственным образом связана с мышлением и воображением, с образованием абстракций на основании выявления существенных признаков и отношений;

3) *коммуникативную* – это функция, связанная с передачей информации (*информационная*), определением поля личностных отношений (*волеизъявляющая*) и выражением чувств (*экспрессивная*).

Социолингвистика и *теория коммуникации* предлагают нам следующий набор функций языка и речи (согласно **Р. Якобсону** [9, 193–230]):

1) *референтивная* (или *денотативная*, или *когнитивная*) – это центральная лингвистическая функция, которая ориентирована на обозначенный факт и на контекст самой речи в процессе коммуникации. Референтивная функция также выполняет структурно-образующую роль в определении иерархии всех остальных лингвистических функций;

2) *эмотивная* (или *экспрессивная*) – данная функция ориентирована на адресанта и ее задача заключается в том, чтобы выразить отношение говорящего к тому, о чем он говорит;

3) *конативная* (или *апеллятивная*) – данная функция ориентирована на адресата и ее задача – привлечь внимание адресата или сообщить ему волю говорящего;

³ Подробнее о термине см. разд. 5.

4) *фатическая* функция – это функция поддержания самой коммуникации, она является одной из немногих функций в коммуникации, которая свойственна не только человеку (в вербальной коммуникации), но и многим животным;

5) *поэтическая* функция – это функция использования селекции и комбинации средств выражения говорящим. Как пишет Якобсон, «*поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации*» [9, 202], т. е. с помощью метафор и какой-либо метрики для определения синтаксической последовательности, конструирует саму речь;

б) *метаязыковая* – данная функция использует исключительно селекцию понятий и средств выражения. С помощью этой функции говорящий придает своей речи некоторое единообразие.

В соответствии с типами речевой культуры, а также благодаря некоторым функционально-морфологическим признакам речевых конструкций на основании исследований социолингвистики [2], [9, 193–230], [7, 444–523] можно условно выделить несколько функциональных стилей устной речи или письменного текста⁴.

1. *Разговорный стиль*. Как понятно из названия стиля, этим стилем пользуются в основном в устной речи. Лексику в нем составляют преимущественно просторечные слова, жаргонизмы, вульгаризмы, междометия, слова с выраженной *эмотивной функцией*, а также (согласно Р. Якобсону [9, 200]) слова *фатической функции*, которыми осуществляется «обмен ритуальными формулами или даже целыми диалогами», такими как «*ладно*», «*стало быть*» и т. д. В синтаксисе разговорного стиля преобладают упрощенные формы, назывные и определенно-личные глагольные предложения, вопросительные и восклицательные предложения.

2. *Стиль художественной литературы*. Определение книжного стиля художественной литературы осложнено тем, что границы понятия художественной литературы в литературоведении как правило зависят от исторического контекста литературы как произведения искусства в ее целостной взаимосвязи с другими видами искусства [3, 11]. Безусловно, стиль художественной литературы должен быть выразителем *эмотивной, метаязыковой и поэтической функций* языка. Лексика этого стиля богата и разнообразна: многозначные слова, эпитеты, метафоры, тропы, стилистические фигуры, причастные и деепричастные обороты. Синтаксис также разнообразен и вариативен, в стиле художественной литературы могут встретиться любые виды предложений и любые синтаксические конструкции.

3. *Официально-деловой стиль*. Это книжный стиль, сложившийся в определенной сфере коммуникации: в сфере деловых, правовых, торговых

⁴ Функциональные стили для письменного текста принято еще называть *книжными*.

и административных отношений. Основной характеристикой этого стиля является отсутствие *поэтической функции*, а также минимизация *эмотивной функции* и существенное ограничение *метаязыковой функции*. Что касается лексики официально-делового стиля, то это обычно специфическая лексика канцеляризмов, устойчивых фразеологических клише, заранее предписанных формулировок, сокращений и аббревиатур. Синтаксис официально-делового стиля сосредоточен на повествовательных предложениях, обладающих строгой сочинительной или подчинительной связью, призванной выражать логическую последовательность событий и фактов.

4. *Научный стиль*. Это тоже книжный стиль речи, и он также характеризуется отсутствием *поэтической* и минимизацией *эмотивной функций*. Однако *метаязыковая функция* – функция выбора лингвистических знаков – в нем используется широко. В лексике научного стиля присутствует особая лексическая единица, которая называется *термином*. Термин – это исключаящее многозначность и тем более метафоричность слово или словосочетание, которое становится таковым в определенном контексте: в терминологической системе. Кроме терминов лексика научного стиля богата словами, выражающими абстрактные понятия, а также содержит слова, указывающие на место высказывания в логической взаимосвязи с другими, такими как «безусловно», «следует», «исходя из», «заключается» и т. д. Все вышеперечисленные особенности лексики научного стиля необходимы для точного и ясного изложения фактов в их причинно-следственной связи. В синтаксисе научного стиля преобладают сложно-подчиненные повествовательные предложения, часто используются неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные формы сказуемых.

5. *Публицистический стиль*. Данный стиль является смешанным, поскольку он содержит элементы всех вышеперечисленных стилей. Большую роль в появлении формальных особенностей стиля играет *конативная* и *эмотивная* функции, поскольку в каждом тексте данного стиля присутствует обращение к слушателю или читателю, как и эмоциональная оценка говорящего или пишущего. Кроме социолингвистических функций на формирование публицистического стиля оказывают влияние и психологические функции. Лексику публицистического стиля составляют слова из актуальной *топики*, обусловленной широким общественным интересом: чаще всего к такой топике принадлежат новости политики и экономики, вопросы образования, здравоохранения и т. д. К синтаксическим особенностям публицистического стиля следует отнести частое употребление риторических вопросов, преобладание простых предложений.

Следует еще раз отметить, что каждый функциональный стиль речи обладает в первую очередь *референтивной* функцией, которая создает структуру высказываний, являющуюся оптимальной для осуществления остальных функций речи.

Вопросы для повторения

1. Что называется системой языка?
2. В чем состоит отличие узуса, языковой нормы и литературной нормы?
3. Какие источники литературной нормы используются лингвистами для ее фиксации?
4. Как в языкознании называется наука, чьим предметом исследования является нормализация речи?
5. Какие критерии приняты в качестве рекомендательной оценки культуры речи?
6. Что такое коммуникативная целесообразность речи?
7. Какой критерий культуры речи служит для оценки истинности отражения фактов действительности и их объективных связей в ней?
8. Какие чуждые литературным нормам элементы являются нарушением чистоты речи?
9. Каким образом можно классифицировать средства выразительности речи по их речевым функциям?
10. Каким образом можно классифицировать средства выразительности речи по их месту в системе речи?
11. Что такое эвфемизм?
12. Что характеризует каждый из четырех типов культуры речи?
13. Какие функции осуществляются речью в коммуникации?
14. Что такое метаязыковая функция речи?
15. На какие функциональные стили принято подразделять речь или письменный текст?
16. Какие функции осуществляет разговорный стиль?
17. Что составляет лексику официально-делового стиля?
18. Что такое термин как особая лексическая единица?

Список литературы к разделу 2

1. Coseriu, E. Sistema, norma y habla. Ampliación de una comunicación leída en el Centro Lingüístico de Montevideo : [Texto] / E. Coseriu, Lecturas de sociolingüística. – [1 ed.]. – Madrid : Hrsg. von F. Abad Nebot, 1977. – P. 43–51 (66 p.). – Texto (visual) : electrónico. – URL : <https://ru.scribd.com/doc/55374527/2008-1-Coseriu-Sistema-Norma-y-Habla-1> (fecha de solicitud 16.08.2019).
2. Style and Sociolinguistic Variation [Text] / ed. by P. Eckert, J. R. Rickford. – [the 1st Ed.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 341 p. – ISBN 0-521-59789-7. – Text : immediate.
3. Виноградов, В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика : [Текст] / В. В. Виноградов ; АН СССР, отделение лит-ры и языка. – [1-е изд.]. – Москва : АН СССР, 1963. – 253 [2] с. – [МСЦ 10093525]. – Текст : непосредственный.

4. Гвенцадзе, М. Л. Коммуникативная лингвистика и типология текста : [Текст] / М. Л. Гвенцадзе. – [1-е изд.]. – Тбилиси : Мецниереба, 1986. – 315 с. – Текст : непосредственный.

5. Казарцева, О. М. Культура речевого общения: теория и практика общения : учебное пособие / О. М. Казарцева. – 5-е издание. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2003. – 496 с. – ISBN 5-89349-030-4 (ФЛИНТА), 5-02-011284-4 (Наука). – Текст : непосредственный.

6. Леонтьев, А. А. Психологические единицы и порождение речевого высказывания : монография / А. А. Леонтьев ; АН СССР, Ин-тут языкознания. – [1-е изд.]. – М. : Наука, 1969. – 307 с. – Текст : непосредственный.

7. Матезиус, В. Язык и стиль : [Текст] / Пражский лингвистический кружок : Сборник статей / составл., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 440–523 (560 с.). – [Изд. № 13/4687]. – Текст : непосредственный.

8. Солганик, Г. Я. Основы лингвистики речи : учебное пособие / Г. Я. Солганик. – [1-е изд.]. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – 128 с. – ISBN 978-5-211-05824-8. – Текст : непосредственный.

9. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика : [Текст] / Р. Якобсон. Структурализм: «за» и «против» : сборник статей / Р. Якобсон ; пер. с англ., нем., чешск., польск. и болг. под ред. Е. А. Басина. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230 (468 с.). – [Изд. № 19575]. – Текст : непосредственный.

3. ГЕРМЕНЕВТИКА: ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

3.1. Герменевтика и ее место среди других гуманитарных дисциплин

Герменевтика (др.-греч. ἑρμηνεύω – истолковываю) – это научный метод понимания и интерпретации текстов и речевых актов. В большинстве случаев герменевтическими методами пользуются *историки, лингвисты, специалисты в области филологии древних языков, теоретики литературы, литературоведы, журналисты и переводчики*. Поэтому в узком смысле герменевтика – это дисциплина *филологической критики*.

Однако герменевтика претендует на роль *общегуманитарного метода* при интерпретации *произведений искусства, юридических законов, социальных и политических явлений*. Ряд исследований в области эпистемологии и теории познания также показывает, что герменевтическая методологическая пара «*понимание – интерпретация*» подобна методологической паре «*теория – эксперимент*» в естественных науках, поэтому, если брать самый широкий смысл термина «герменевтика», то можно сказать, что данный метод является универсальным методом познания.

В *речевой коммуникации* (как устной, так и письменной) герменевтические методы позволяют анализировать и прогнозировать степень понимания между коммуникантами, находящимися в разных культурных, социальных, профессиональных и иных языковых и речевых средах.

3.2. Предыстория и история герменевтического метода

Если обратиться к предыстории и истории герменевтического метода [4], [6], [10], то можно обнаружить, что герменевтика получала концептуальное развитие и оформление тогда, когда складывались определенные социальные условия для этого. Можно говорить о научном и донаучном периодах развития герменевтики. Научные герменевтические методы возникают только в начале XIX в. в Германии в процессе разработки универсальных действующих принципов для перевода текстов (в особенности древних текстов, текстов на «мертвых языках») на современный тому времени немецкий язык.

До этого момента первые подходы к герменевтике (в западноевропейской традиции) можно обнаружить в Античности. Первые герменевтические задачи были связаны с деятельностью *софистов*, которых можно считать первыми греческими филологами. Деятельность софистов происходила в то время, когда греческий полис и его демократическое устройство требовали интерпретации, т. е. истолкования уже имевшихся текстов,

прежде всего эпических (Гомера, Гесиода и других ранних греческих авторов). Истолкование текстов разного культурного и этнического происхождения играло важную роль и в эллинистическую эпоху: в этот период одним из крупных центров первых практических опытов герменевтической работы становится Александрия с ее знаменитым мусейоном и библиотекой. Римский мир также связан с тем, что в период господства римлян происходили интенсивные экономические и культурные контакты, осуществлялся обмен философскими и научными трактатами между Востоком и Западом.

К предыстории герменевтики относятся также *специальные* или «программные» герменевтические задачи, периодически возникавшие со времени поздней Античности. Впервые «программные» герменевтики возникают вместе с проникновением христианства в римский мир. Христианская «программа» герменевтики, иначе именуемая *экзегезой*, в эпоху раннего Средневековья ставила перед собой две задачи: во-первых, истолковать религиозные тексты в рамках систематической догматики и дидактики, а во-вторых – адаптировать толкование к широкой среде: это потребовало определенных навыков перевода и толкования, который основывался на наследии Александрии.

Начиная с XI в., в эпоху Высокого Средневековья «программные» герменевтики получили еще один источник развития: в Европе обнаружился интерес к своду законов Римского права и началось систематическое изучение этого текста. Сначала это происходило в Болонской юридической школе, а затем – по мере подготовки квалифицированных специалистов – и в других городах Европы. Благодаря деятельности толкователей и исследователей текстов Римского права появилось профессиональное сословие юристов. Юридическое образование опиралось на *схоластический метод* и *диалектику* (логику), понимаемую как искусство примирения противоречий, на базе которых возникла специальная юридическая дисциплина – *юридическая герменевтика*. Одним из крупнейших систематизаторов юридической герменевтики в эпоху возникновения новоевропейского знания следует признать голландского правоведа **Г. Гроция** (1583–1645) [11, 219–220]. Гроций разграничил и ввел в юридическую практику следующие виды интерпретации: 1) *грамматическую*, 2) *логическую*, 3) *историческую*, 4) *техническую* (в узком смысле слова: интерпретацию, учитывающую специфику конкретного законодательства), 5) *рекомендательную* (для практического применения профессиональными юристами). Толкование, согласно Гроцию, является средством прояснения текстов, способом устранения непонимания, выявления *подлинного непротиворечивого содержания* юридических текстов с целью ясного и простого применения их на практике.

Очередной поворот в герменевтике, как пишет **В. Дильтей** [8, 15–27], был осуществлен **М. Флацием (Влачичем) Иллирийским** (XVI в.). Он ввел в герменевтику в качестве основополагающего теоретического основания *принцип контекстуальной интерпретации*, т. е. прояснение причин изменения смысла слова. В противоположность античной проблеме множественного количества смыслов слова, вылившуюся в узаконенную относительность эквивокальной интерпретации, Флаций считал, что подлинный смысл любого слова всегда один – его «сокровенный» *единственный смысл*. При этом *различные контексты употребления слова* конкретизируют этот смысл, вычлняя его из *различных смысловых вариаций*. Неявным образом у Флация уже фактически присутствовало различие таких семантических характеристик слова как *смысл* и *значение*, однако, понимается, не так, как это принято в современной логической семантике.

Дальнейшее движение по расширению предмета герменевтики происходило в XVIII – начале XIX вв. Возникли «программные» герменевтики, которые прилагались уже ко многим областям научного знания, в первую очередь, к самой *области филологии* (**Ф. Аст, А. Бёк, В. фон Гумбольдт**). Гумбольдт ввел герменевтическую проблематику в изучение естественного языка, уже понимаемого им в качестве коммуникативной деятельности, которую он считал обязательным условием для способности мышления. Идеи Гумбольдта оказали большое влияние на развитие герменевтики.

И, наконец, особое место в истории герменевтики принадлежит **Ф. Шлейермахеру** (1768–1834) – крупному немецкому протестантскому богослову, философу и переводчику. Именно Шлейермахер превратил герменевтику в научную методологию. По мысли Шлейермахера, герменевтика должна стать *общей теорией понимания*, предметом которой окажется речь или текст самого разного рода и содержания без какой-либо селекции, подразумевающей выбор чего-то «достойного истолкования» из множества всего остального. При этом Шлейермахер хотел, чтобы «правила» такой общей теории понимания не были специфицированы в зависимости от типа текста. Это было нововведением, поскольку прежде считалось, что к различным типам текстов – священным, юридическим, историческим – следует применять различные правила для их интерпретации.

Шлейермахер рассуждал приблизительно так: если имеется какой-то текст, речь или высказывание, то научная методология здесь должна исходить из поиска причин возникновения этого текста, речи или высказывания. Поэтому перед герменевтикой следует поставить двоякую задачу: исследовать язык сказанного с целью обнаружения смысла в качестве элемента определенной языковой системы и обнаружить и описать черты стоящей за сказанным уникальной субъективности. Первую часть задачи выполняет «объективное» (грамматическое, логическое и т. д.) истолкование, вторую –

«субъективное» (психологическое, эстетическое и т. д.). При этом, если процедуры грамматического и логического истолкования уже имели какое-то методологическое оформление в науке того времени, то в качестве основной процедуры психологической интерпретации Шлейермахер предложил интуитивное «вживание» интерпретатора в душевный мир автора сказанного. За таким «вживанием» стоит известное современной психологии явление, которое называется *эмпатией* (досл. «вчувствование» от др.-греч. ἐν – в + πάθος – претерпевание, впечатление). Как представитель немецкого идеализма научную возможность интерпретации посредством эмпатии Шлейермахер видел в том, что и исследователь текста, и его автор должны с очевидностью являться индивидуальными выражениями одной и той же сверхиндивидуальной сущности, которую немецкие идеалисты называли «духом».

Следующим этапом истории герменевтики уже как научного метода стала концепция **В. Дильтея** (1833–1911), в рамках которой герменевтика взяла на себя еще одну методологическую функцию, а именно *эпистемологическую*. Согласно Дильтею, понимание и интерпретация, с которыми имеет дело герменевтика, представляют собой не просто текстологическую методологию, но некий важный аспект научного познания, а именно фундамент гуманитарного знания вообще. Дильтей выдвинул тезис, что герменевтика – это часть более широкого методологического проекта: ее задача состоит в том, чтобы обосновывать особую значимость *историко-гуманитарного познания* и показывать несводимость процедур такого познания к процедурам познания в *естественных науках*. Та область знания, с которой имеют дело гуманитарные науки, отличается от естественных наук тем, что познающий субъект сам принадлежит области, которую ему надлежит познать. Из этого вытекает положение Дильтея о том, что «природу мы объясняем, а духовную жизнь мы понимаем» [7, 282]. При этом понимание и интерпретация, по мысли Дильтея, не противостоят принципу объяснения, применяемому в естественно-научном познании, а дополняют его в общей эпистемологической задаче.

Новым поворотом в истории развития герменевтической мысли стала работа **М. Хайдеггера** (1889–1976) «Бытие и время» (1927) [13, 142–152]. В отличие от Шлейермахера и Дильтея, которые так или иначе соотносили герменевтический метод с обоснованием его возможности в природе сверхиндивидуальной сущности, Хайдеггер предложил другой фундамент: понимание рассматривается им не столько как способ познания, сколько как способ бытия. Человеческое существо (*Dasein*), согласно Хайдеггеру, есть с самого начала *бытие понимающее*. Именно благодаря этому онтологическому обстоятельству человек в состоянии схватывать сущее на *допредикативном* (до-языковом) уровне. Благодаря такому онтологическому фун-

дированию герменевтики можно в качестве следствия вывести: основополагающим значением в методологии герменевтики является феномен историчности человека как культуры и традиции, располагающей себя в определенном «пространстве».

В продолжение мысли Хайдеггера **Х.-Г. Гадамер** (1900–2002) также утверждал, что понимание есть форма первичной данности сущего человеку. Результатом размышлений Гадамера стало предположение о том, что герменевтика в принципе не сводится к разработке методологии гуманитарного познания. Герменевтика как бы заранее присуща человеку, поскольку она соотносится с фундаментальными структурами человеческого существования, нашедшими свое выражение в *базисных моментах человеческой коммуникации* и отношения человека к действительности. В силу этого интерпретация оказывается неким intersубъективным диалогом: интерпретатор не «перевоплощается» в другую субъективность на основе какой-либо сущностной или функциональной общности. Субъективный замысел автора сказанного и то, что это сказанное может означать – это разные вещи, поэтому интерпретация – это продолжающийся процесс развития культуры.

3.3. Проблема универсальности понимания

Проблему *универсальности понимания* последовательно решали в разное время четыре вышеупомянутых немецких философа: **Ф. Шлейермахер**, **В. Дильтей**, **М. Хайдеггер** и **Х.-Г. Гадамер**. Впервые она оформилась в герменевтике как научная проблема с того времени, когда Шлейермахер, опираясь на достижения немецкого классического идеализма, выдвинул принцип, в соответствии с которым *целью герменевтики* (как научной методологии) *является понимание текста (речи) и его автора лучше, чем сам автор понимает себя и свой собственный текст* [15, 64]. В соответствии с этим принципом (который с легкой руки Шлейермахера называется *принципом «лучшего понимания»*) проблема универсальности понимания решается апелляцией к всеобщей сверхиндивидуальной субъективности («духу»), поэтому герменевтику Шлейермахера называют **всеобщей герменевтикой**.

Однако в продолжение обоснования проблемы универсальности понимания **В. Дильтей** отказывается от базиса идеализма и обращается к критике метафизики Канта, называя свою исследовательскую программу «критикой исторического разума» [12, 60]. Он выдвигает принципы **исторической герменевтики**, которая становится новой вехой развития проблемы универсальности понимания. Принципы исторической герменевтики сводятся к поиску исторически «объективного» (*аутентичного*) смысла

текста, обусловленного личностью автора, намерением (замыслом) автора и той культурно-исторической средой, в которой происходило создание этого текста. В связи с этим интерпретатор, стремящийся к *аутентичному пониманию* текста, по мысли Дильтея, должен максимально освободиться от *пресуппозиций* – предвзятостей, мешающих установлению такого смысла. Пресуппозиции, согласно Дильтею, могут представлять собой: 1) личные *психологические предвзятости* интерпретатора; 2) *исторические предвзятости* (навязанные эпохой – временем, в котором происходит работа по интерпретации текста); 3) *культурные и социальные предвзятости* (навязанные обществом, культурным слоем, окружающим интерпретатора); 4) *языковые предвзятости*, связанные с непониманием особенностей языка текста.

Преодоление пресуппозиций Дильтеем связывает не только с профессиональной осведомленностью и научными знаниями интерпретатора, но и с постоянной *рефлексией* интерпретатора – интроспекцией и психологическим самоанализом, направленными на выявление таких предвзятостей. По мысли Дильтея, самыми серьезными противниками оказываются в этом случае психологические предвзятости. При этом интроспекция и самоанализ считаются Дильтеем техническими моментами метода, подконтрольными самосознанию, поскольку оно представляет собой интуитивный поиск и в любом случае не идентично ни интроспекции, ни психологическому самоанализу.

М. Хайдеггер [14, 142–152] дополнил научную проблему универсальности понимания тем, что обозначил понимание как присущую природе человека способность соотносить все со своим существованием. В такой перспективе универсальность понимания объясняется не сверхиндивидуальной сущностью сознания и не одинаковой процессуальностью познания, а единством способа бытия человека. Человек (*Dasein*), согласно Хайдеггеру, будучи *существующим*, сознает свое существование и поэтому имеет непосредственный доступ к бытию, откуда и проистекает *понимание* как понимание происходящего. В связи с этим универсальность понимания в процессе интерпретации текста (или речевого акта) – это не столько воссоздание аутентичного прочтения текста, сколько осознание разницы исторических эпох и культур (между историческим временем интерпретатора и историческим временем текста) в процессе реконструкции мысли автора. Точку зрения Хайдеггера принято называть **фундаментально-онтологической герменевтикой**.

Полностью противоположную Дильтею точку зрения на природу универсальности понимания высказал **Х.-Г. Гадамер**. Опираясь на Хайдеггера (на онтологический статус понимания) и на феноменологическую философию с ее методом усмотрения до-предикативных (до-языковых) сущно-

стей, Гадамер заявил, что освобождение интерпретатора от пресуппозиций не только невозможно, но и бессмысленно. Историческая задача интерпретатора состоит не в воссоздании аутентичного смысла текста, а в конструктивном привнесении в него все новых и новых смыслов, которые обогащают и дополняют первоначальный замысел автора. Герменевтическую позицию Гадамера принято называть **универсальной герменевтикой**. Согласно Гадамеру, обогащение и дополнение замысла автора новым толкованием находится в полном согласии с максимой метода Шлейермахера: когда Шлейермахер говорил о том, – писал Гадамер [5] – что интерпретатор должен «понять автора лучше, чем тот сам себя понимал», он ставил вопрос об объективном смысловом содержании (значении) текста, не сводимом к интенциям его создателя. Именно после Гадамера появляется убеждение, что герменевтика как научная методология понимания не ограничивается интерпретацией произведений культуры, но может применяться к социальным явлениям.

3.4. Базовый принцип герменевтики: понимание части и целого

Научная герменевтика, начиная с правил, выдвинутых Шлейермахером, получила от него центральное методологическое ядро, которое только дополнялось теоретиками техники интерпретации. Согласно Шлейермахеру, понимание опосредовано интерпретацией подобно тому, как мышление опосредовано речью, и это опосредование двустороннее: интерпретация, в свою очередь, зависит от понимания. На практике это означает, что чем больше текст, или речевой акт интерпретируется, тем ближе интерпретатор подходит к пониманию того смысла, который в нем содержится. Взаимность понимания и интерпретации носит циклический, круговой характер. Шлейермахер впервые обратил внимание ученых гуманитарных дисциплин на принципиальный круговой характер процессов понимания и интерпретации и положил его во главу угла герменевтической практики. В принципе, понятие *герменевтического круга* уже существовало благодаря работам немецкого филолога и философа-шеллингианца **Ф. Аста** [1], однако именно Шлейермахер дал его исчерпывающее описание: понимание и интерпретация включают в себя *понимание части* (например, отдельного слова) и *понимание целого* (например, того предложения, в которое это слово входит). Таким образом, методологически круговой процесс взаимосвязи понимания и интерпретации можно представить следующим образом: понимание целого инициирует интерпретацию частей исходя из целостности, в результате такой интерпретации понимание частей

изменяется и начинает инициировать обратный процесс, когда из понимания частей интерпретируется целое. Этот процесс, который и есть так называемый *герменевтический круг*, повторяется несколько раз, пока интерпретатор не сочтет, что текст или речевой акт не осмыслен исчерпывающим образом.

Взаимообусловленность (которую можно также представить в виде диалектики) части и целого методологически осуществляется в некоем двухуровневом пространстве интерпретаций. На одном из уровней такого пространства интерпретаций должно быть обнаружено взаимодействие между совокупностью условий внешней и внутренней жизни автора (адресанта) как целым, и его текстом (высказыванием, речевым актом) – как частью. На другом уровне пространства интерпретаций в качестве частного рассматривается уже какая-то часть текста, а в качестве целого должен быть представлен сам текст.

Первый уровень пространства интерпретации в герменевтике принято называть *внешним герменевтическим кругом*, и работа интерпретатора в нем регламентируется следующим правилом (*первым канонам* Шлейермахера): для интерпретации во внешнем герменевтическом круге следует принимать за целое историко-культурный фон эпохи, языковые и культурные особенности современных ему текстуальных артефактов, жизнь и переживания автора, а за часть – интерпретируемый текст. Второй уровень принято называть *внутренним герменевтическим кругом*, и работа интерпретатора в нем регламентируется другим правилом (*вторым канонам* Шлейермахера): для интерпретации во внутреннем герменевтическом круге следует принимать в качестве целого интерпретируемый текст (речевой акт), а в качестве части – содержащиеся в нем смыслы и значения, средства передачи смысла, стилистические приемы и грамматические особенности. В современной герменевтической терминологии проблематика первого (внешнего) уровня интерпретаций называется *интертекстуальной составляющей*, а второго (внутреннего) – *контекстуальной*.

Техническая часть интерпретации дополняется интуитивностью понимания: текст (речевой акт) как факт языка может пониматься и как часть через целое, и как целое через часть. Причем для интерпретируемых и понимаемых частей должен применяться принцип когерентности непротиворечивой истины (от *лат. congruit universa* – все сходится): понимание одной части согласуется со второй, с третьей и т. д. В действии герменевтического круга всякий раз понимание целого изменяется, оно не одинаково при *анализе* частей целого. Общее, окончательное понимание текста как бы *конструируется* в процессе курсорного выбора из множества сменяющихся друг друга *гипотез о понимании целого*. Всякое новое гипотетическое понимание целого, в свою очередь, влияет на понимание уже анализиро-

ванных частей. Всегда происходит возвращение к исходной точке целостности (*палинавт*, от др.-греч. *πάλιν αὐθίς* – туда же назад), а затем уточнение, переосмысление рабочего материала. Полное понимание сказанного есть *синтез* предварительных пониманий.

Существуют и принципы понимания, которые были описаны Шлейермахером, но содержание которых оспаривается большинством современных научных интерпретаторов, хотя эти принципы и имеют некоторых сторонников. Шлейермахер попытался не только предписать порядок интерпретации, но и классифицировать способы понимания. Согласно его убеждению, понимание – разнородный мыслительный процесс, причем между способами понимания существует тесное взаимодействие: они не могут мыслиться в отрыве друг от друга. Понимание имеет две стороны: *объективную* и *субъективную*. Каждая из этих сторон также состоит из двух видов понимания: *исторического* (ретроспективного, дискурсивного) и *дивинаторного* (прогностического, «пророческого»). Соответственно, имеется четыре взаимозависимых поля понимания сказанного: 1) объективно исторический, 2) объективно дивинаторный, 3) субъективно исторический и 4) субъективно дивинаторный.

Объективная и субъективная стороны понимания различаются предметом речи. В первом случае – объективного понимания – речь предстает перед интерпретатором как факт языка⁵ и в таком качестве становится предметом понимания. Знание языка, посредством которого осуществляется коммуникация, служит средой объективного понимания. Целью *объективно исторического* понимания становится вопрос о том, как данная речь выглядит в общности языка, а *объективно дивинаторного* – в каких моментах данная речь оказывает влияние на развитие языка. Объективно историческое и объективно дивинаторное понимание в совокупности соотносятся с техническим моментом *грамматической интерпретации*.

Что касается субъективной стороны понимания, то здесь предметом выступает речь как факт мышления, а поэтому усилия интерпретатора сосредоточены на личности адресанта (инициатора речи) и на его возможных переживаниях. В основании возможности субъективного понимания находится тот факт, что и интерпретатор, и автор речи являются личностями со сходными переживаниями. Тогда, согласно Шлейермахеру, *субъективно историческое* понимание ориентировано на речь как факт сознания, а *субъективно дивинаторное* – на выяснение обстоятельств возникновения тех или иных соображений автора речи, которые в речи выражены. Понимание и есть эмпатия (*Erfüllung*). В этом случае субъективная сторона понимания соотносится с техникой *психологической интерпретации*.

⁵ Язык здесь вполне можно рассматривать в духе семиотики: в качестве знаковой парадигмы (см. подробнее разд. 5 «Начала семиотики»).

Если говорить о самой технике истолкования текстов и речевых актов, то необходимо уточнить еще несколько существенных моментов. Согласно Шлейермахеру, техника истолкования включает в себя четыре общих методологических правила:

1) вначале производится общий обзор текста (речевого акта) и его эстетическая оценка, которая важна для интуитивного «вхождения» в герменевтический круг;

2) вместе с этим необходимо установить содержание понятий и высказываний при помощи грамматической и психологической интерпретаций;

3) грамматическая и психологическая интерпретации должны составлять непротиворечивое единство, поэтому в случае расхождения результатов процедуру интерпретации необходимо повторить;

4) необходимо периодически выполнять общий обзор текста (речевого акта) с целью переосмысления рабочего материала.

Интерпретация (способ «вхождения» в герменевтический круг) начинается с интуиции, направленной на целостное восприятие текста (речевого акта). В тройку основных герменевтических вопросов, согласно Шлейермахеру, входят: вопросы языка, вопросы текста (речевого акта), понимание автора (адресанта).

3.5. Речь как диалог: «диалектика» вопроса и ответа

В последнее время в научной теории интерпретации текстов распространяются идеи *диалогизма*. Их связывают с русским ученым, литературоведом и лингвистом **М. М. Бахтиным** (1895–1975) [3, 184–188]. Герменевтические взгляды Бахтина сложились под влиянием многих религиозно-философских деятелей России, поэтому его научный метод заимствует некоторые наработки, связанные с традицией экзегезы. В качестве вклада в научную герменевтику необходимо отметить две основные *идеи Бахтина*: 1) необходимым признаком любого текста (речевого акта) является его *обращенность, адресованность*, т. е. без читающего (слушающего) нет и пишущего (говорящего), иначе говоря без адресата нет и адресанта; 2) (развитие *контекстуального принципа М. Флация*) всякий текст приобретает смысл только в контексте: в конкретное время и в конкретном месте. Здесь Бахтин пробует определить границы контекстуального поля и в качестве критерия таковой выдвигает идею *хронотопа* – совпадения места и времени в действии интерпретации (от др.-греч. χρόνος – время и τόπος – место).

Весьма широкое распространение герменевтические идеи Бахтина получили в мировой лингвистике, литературоведении, теории коммуникации

и философии в последние сорок лет. Французская исследовательница болгарского происхождения, идейно принадлежащая к постструктурализму, **Ю. Кристева** (1941) [9, 235–305], развивая принципы М. Бахтина и структуралиста **Р. Барта** (1915–1980) [2], предложила новое понятие *интертекстуальности*: всякий текст как создается, так и интерпретируется в виде «цитатной мозаики», прямых или косвенных ссылок на ранее воспринятые чужие тексты. Сейчас эту идею Кристевой подхватили в самых разнообразных сферах, например, в исследовании языка кинематографа, в психоанализе, в исследовании рекламы. Исследования показывают, что реклама весьма часто и целенаправленно эксплуатирует интертекстуальные аллюзии в целях воздействия на потребителя: так, «сильный, но нежный Панадол» структурно повторяет цитату «строгий, но справедливый отец народов (начальник)», а «время пить Херши» – «время разбрасывать камни», и т. п. Таким образом, получатель рекламного сообщения (текста) преднамеренно ставится в ситуацию «предсказуемого герменевта».

Принцип *интертекстуального герменевтического анализа* сводится к двум выводам: 1) каждый человек находится в *языковой и речевой среде*, где фразы представляют собой не только смыслы, но и *готовые лингвистические конструкции*; 2) каждый человек помещен в ситуацию *непрерывающегося диалога*: либо мы говорим с кем-то, либо сознание в своей деятельности использует *внутренний диалог* («проговаривание смысла про себя»). Соответственно, герменевт должен искать известные автору (отправителю сообщения) лингвистические конструкции, а также восстанавливать речь автора, принимая во внимание, что некоторую часть текста автор проговаривает «про себя».

Однако прежде, чем применять на практике *принцип диалогизма* и сопутствующий ему *интертекстуальный анализ* готовых лингвистических конструкций к интерпретируемому тексту или речевому акту, необходимо выяснить саму природу диалога. *Диалог* (от др.-греч. διὰ λόγου – через слово), согласно своему определению, есть речь (беседа) более чем двух участников при условии их активного вовлечения в восприятие информации. Даже если участники диалога используют исключительно *фатическую функцию* речи, обмениваясь лишь «ритуальными» фразами, диалог все равно представляет собой оппозицию речевых актов. Поэтому слово «диалог» по своему происхождению является однокоренным со словом «диалектика» (от др.-греч. διαλεκτική – искусство спора), причем «диалектика» диалога (т. е. его оппозиция речевых актов) наиболее близка к античному значению термина «диалектика». «Диалектика» диалога предполагает как оппозицию, так и единство смысла (темы) диалога. В наиболее выпуклой форме это выявляется в ситуации «вопроса-ответа».

Лингвистическая (семантическая) форма вопроса всегда имеет значение обращения к кому-либо и выражения сомнения. Сама вопросительная конструкция является общеязыковой, или, иначе, лингвистической универсалией. *Лингвистические универсалии* – это общеязыковые явления (свойства, характеристики), встречающиеся во всех (или почти во всех) языках мира. Утвердительное высказывание в семантике языка (от др.-греч. λόγος ἀποφαντικός – изъявительное слово в логике **Аристотеля**) – это тоже лингвистическая универсалия. В русском языке возможны следующие ситуации смешивания вопросительной и утвердительной речи в диалоге: 1) вопрос по смыслу – вопрос по форме; 2) вопрос по смыслу – утверждение по форме; 3) утверждение по смыслу – вопрос по форме (риторический вопрос); 4) утверждение по смыслу – утверждение по форме.

Исследования психологии показывают, что вопросы не только провоцируют внимание к обозначенной при помощи них предметности: вопросы пробуждают своего рода потребность в размышлении (рефлексии). Если человек слышит вопросительную интонацию, то он интуитивно пытается составить ответ на вопрос, что в свою очередь запускает ряд когнитивных процессов, направленных на формирование собственной точки зрения. Даже в случае риторического вопроса, вопросительная интонация (сама форма вопроса) стимулирует размышление на обозначенную тему.

М. М. Бахтин в своей работе [3, 184–188] анализирует вопросительную интонацию в диалогах, которые можно встретить в произведениях **Ф. М. Достоевского** (1821–1881), сравнивая их с диалогами в произведениях западных классиков. Он приходит к выводу о том, что вербальная коммуникация в русской культуре (насколько это видно из анализа произведений русской литературы) обладает рядом отличительных признаков: как правило, диалоги содержат несколько смысловых слоев (это хорошо выражено в текстах **А. П. Чехова** (1860–1904)); вопросы в диалогах часто носят провокационный характер, а нередко содержат дезинформацию, т. е. допускают возможность запутывания собеседника.

Для герменевтически умелой постановки вопроса в диалоге (в частности, в PR-деятельности это необходимо при интервьюировании собеседника) необходимо как-то *классифицировать типы вопросов*. В этом на помощь герменевту может прийти риторика, которая в настоящее время предлагает шесть критериев различия типов вопросов в виде бинарных оппозиций.

1. С точки зрения *степени выраженности* вопроса можно говорить *явных* и *скрытых* вопросах. *Явный вопрос* формулируется полностью и он сразу понятен опрашиваемому, поскольку дан вместе с предпосылками. *Скрытый вопрос* не сформулирован полностью, а дан лишь в форме предпосылок. При этом опрашиваемый должен сам сформулировать вопрос после осмысления.

2. Не менее важно знать разновидности *структуры* вопроса, поскольку с точки зрения структуры вопрос можно задать *просто* и *сложно*. *Простой вопрос* структурирован так, что на него предполагается только один ответ. Простой вопрос невозможно разбить на элементарные вопросы. В отличие от простого *сложный вопрос* как раз составляется из простых при помощи логических союзов.

3. Вопросы могут различаться по *способу вопрошания о неизвестном*. С этой позиции вопросы могут быть *уточняющими* или *восполняющими*. *Уточняющие вопросы* (вопросы с частицей «ли») направлены на выявление истинности выраженных в них суждений. В таких вопросах спрашивающий обычно сам формулирует какое-либо суждение, однако при этом выражает сомнение, устранить которое и требуется от собеседника. *Восполняющие вопросы* задаются с целью выявления чего-то нового, они формулируются так, чтобы вопрошающему стала известна новая информация.

4. В зависимости от *количества возможных ответов* вопросы можно разделить на *открытые* и *закрытые*. *Открытый вопрос* – это такой вопрос, при формулировке которого подразумевается, что он требует некоторого неопределенного множества ответов. Если же считается, что на вопрос может быть дано конечное количество ответов, то такой вопрос называется *закрытым*.

5. Вопросы также можно различать по отношению к *познавательной цели*. В этом случае вопросы могут быть *узловыми* и *наводящими*. Если ответ на вопрос исчерпывающим образом решает поставленную перед отвечающим познавательную цель, то вопрос называется *узловым*. В свою очередь, если ответ всего лишь каким-то образом подготавливает или приближает отвечающего к пониманию нового, чаще всего следующего вопроса, то такой вопрос называется *наводящим*. Однако порой невозможно провести границу между узловыми и наводящими вопросами, и тогда этот критерий различения вопросов опускается.

6. В то же время риторика не может упустить критерий *правильности постановки* вопроса. В соответствии с этим критерием вопросы подразделяются на *корректные* и *некорректные*. *Корректный* (от лат. *correctus* – «выпрямленный») вопрос – это так сформулированный вопрос, что отвечающий на него должен будет обратиться к поиску истинных и непротиворечивых суждений. *Некорректный* вопрос основан на предпосылке заведомо ложного или противоречащего суждения, или суждения, смысл которого не определен. При этом можно говорить о двух видах логически некорректных вопросов: *тривиально некорректные* и *нетривиально некорректные*. Понятие *тривиально некорректного* вопроса является синонимом бессмысленного вопроса, поскольку в этом случае вопрос

формулируется при помощи неясных (неопределенных) высказываний. Однако в случае, когда предпосылкой вопроса является ложное суждение спрашивающего, то вопрос называется *нетривиально некорректным*. В большинстве случаев на такие вопросы невозможно найти какой-либо истинный ответ. Кроме того, в одном случае в постановке некорректного вопроса может лежать простое незнание спрашивающего о том, о чем он спрашивает, а в другом – факт того, что спрашивающий знает о некорректности своего вопроса и задает такой вопрос с целью запутать отвечающего. В этом случае некорректный вопрос называют *провокационным*, а его постановка считается софистическим приемом.

Таким образом, существует взаимосвязь между вопрошанием и пониманием, которая тоже составляет важную часть герменевтического метода. Герменевт должен уметь ставить вопросы и самостоятельно пытаться на них ответить. Благодаря «внутреннему диалогу» в рефлексии, в реальном диалоге (в ситуации «вопроса-ответа») понимание всегда есть нечто большее, чем простое воспроизведение мнения говорящего (адресанта). Именно в процедуре вопрошания во «внутреннем диалоге» с самим собой понимание может раскрыть больше смысловых возможностей, и в этом случае то, что оказывается осмысленным рефлексивно, превращается в собственное понимание интерпретатора.

3.6. Применение герменевтики в литературоведении, журналистике, переводческой деятельности, рекламе

Следует еще упомянуть о сферах, в которых работают интерпретаторы, стремящиеся понять, создать или передать текст или речевой акт.

В *литературоведении* герменевт сталкивается с пониманием и интерпретацией литературного произведения (во всем многообразии его жанров). Начальным навыкам этой деятельности обучают еще в школе, в курсе уроков литературы: в форме сочинения или изложения. Литературовед, в отличие от доступных каждому человеку навыков понимания и интерпретации литературного произведения, должен использовать также специальные знания из филологии, семиотики, лингвистики, истории, культурологии, искусствоведения, чтобы дать тексту обоснованную научную интерпретацию. В *рекламе* и *PR-деятельности* литературоведческая сторона герменевтики проявляется, когда мы имеем дело с включением фрагментов литературных произведений в контекст рекламы. В этом случае интерпретатор должен уметь анализировать ситуацию «переноса» текста в контекст рекламы и связанное с этим изменение текста или речевого акта. Герменевтический метод также позволяет спрогнозировать воздействие такой рекламы на слушателя (читателя) той или иной социальной группы.

В журналистике герменевтический метод связан прежде всего с созданием текстов, смысл которых должен быть понятен либо каждому, либо определенной социально-дифференцированной группе: профессионалам или любителям (*по профессиональному признаку*); детям, молодежи, людям среднего или пожилого возраста (*по возрастному признаку*); мужчинам или женщинам (*по гендерному признаку*); научной интеллигенции, представителям искусства, верующим, обывателям, домохозяйкам (*по культурно-стилистическому признаку*). В этом смысле культурно-стилистический признак является главным и решающим принципом социальной ориентированности текстов. *Создатели рекламы* также должны учитывать и эту сторону понимания текстов, с целью максимального и эффективного донесения информации до адресата.

В *переводческой деятельности* герменевтический метод позволяет адекватно передать культурные, исторические, фразеологические, эстетические аспекты текста или речи. Не менее важна и передача личной стилистики речи говорящего (или пишущего) при переводе. В *рекламе* часто приходится встречаться с переводом уже имеющихся рекламных текстов на родной или иностранный язык.

Вопросы для повторения

1. Что такое герменевтика в узком и в широком смысле?
2. Какие задачи решали античные и средневековые интерпретаторы до появления научной герменевтики?
3. С какого времени складывается научная герменевтика?
4. Кто автор первой научной методологии герменевтики?
5. Что такое эмпатия?
6. Как Шлейермахер объяснял возможность универсальности понимания?
7. Как выражается принцип «наилучшего понимания»?
8. Кто автор исторической герменевтики, связанной с поиском исторически «объективного» (аутентичного) смысла?
9. Что такое пресуппозиция?
10. Как возможность универсальности понимания обосновывается в XX в.?
11. Можно ли герменевтический метод применить к социальным явлениям?
12. Что представляет собой герменевтический круг?
13. Как герменевтические модели частей и целого соотносятся с логическими понятиями анализа и синтеза?
14. Как в современной герменевтике называется уровень, интерпретация которого регламентируется первым каноном Шлейермахера?

15. Что Шлейермахер называет дивинаторной стороной понимания?
16. Для чего в герменевтике важна эстетическая оценка текста (речевого акта)?
17. С деятельностью какого ученого в теории интерпретации связывают идеи диалогизма?
18. Как реклама использует интертекстуальные аллюзии?
19. Что такое риторический вопрос?
20. Что такое скрытый вопрос?
21. Как различаются вопросы согласно своей структуре?
21. Какой вопрос называется уточняющим?
22. Что такое наводящий вопрос?
23. Как можно дополнительно классифицировать некорректные вопросы?
24. Может ли при помощи герменевтического метода спрогнозировать степень понимания речевого акта адресатом?

Список литературы к разделу 3

1. Ast, G. A. F. Grundriss der Philologie : monographie / G. A. F. Ast. – [1. Aufl.] – Landshut : Philipp Krüll, Universitätsbuchhändler, 1808. – 592 s. – [keine Nummer]. – Text (visuell) : elektronischer. – URL : <https://books.google.ru/books?id=rngZAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Datum des Zugriffs: 16.08.2019).
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов : [Текст] / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : Трактаты, эссе, статьи / под ред. Г. К. Косикова. – [1-е изд.]. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987. – 512 с. – Текст : непосредственный.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с. – Текст : непосредственный.
4. Вольский, А. Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория : [Текст] / А. Л. Вольский // Шлейермахер, Ф. Герменевтика : [Текст] / Ф. Шлейермахер ; пер. с нем. и предисл. А. Л. Вольского. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2004. – С. 5–40 (242 с.). – ISBN 5-8015-0176-2. – Текст : непосредственный.
5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : монография / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступит. ст. Б. Н. Бессонова. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – ISBN 5-01-001035-6. – Текст : непосредственный.
6. Гучинская, Н. О. Hermeneutica in nuce. Очерк филологической герменевтики : монография / Н. О. Гучинская. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Церковь и культура, 2002. – 128 с. – ISBN 5-93389-008-1. – Текст : непосредственный.
7. Дильтей, В. Введение в науки о духе : монография / В. Дильтей. – Собр. соч. в 6 томах. Т. 1 : Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории : [Текст] / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. – [1-е изд.]. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 271–709 (762 с.). – ISBN 5-7333-0237-2. – Текст : непосредственный.
8. Дильтей, В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики : статья / В. Дильтей. – Собр. соч. в 6 томах.

Т. 4 : Герменевтика и теория литературы : [Текст] / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. В. В. Библихина и Н. С. Плотникова. – [1-е изд.]. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2001. – С. 13–234 (531 с.). – ISBN 5-7333-0240-2. – Текст : непосредственный.

9. Кристева, Ю. Душа и образ. Читая Библию. Знамение на пути к субъекту. Ребенок с невысказанным смыслом : статьи // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. : [Сборник научных статей] / сост. Е. А. Найман, В. А. Суровцев. – [1-е изд.]. – Томск : Водолей, 1998. – С. 253–305 (320 с.). – ISBN 5-7137-0080-1. – Текст : непосредственный.

10. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методологии до философского направления : [Статья] // Логос : Философско-литературный журнал / Центр феноменологической философии, философский факультет РГГУ; Учредитель РГГУ (ныне : Учредитель Ин-тут экономич. политики им. Е. Т. Гайдара). – 1999, № 10 (20). – Москва, 1999. – С. 43–88. – ISSN 0869-5377. – Текст (визуальный) : электронный. – URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/04.htm (дата обращения 16.08.2019).

11. Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Алетей, 2017. – 490 с. – ISBN 978-5-906910-07-3. – Текст : непосредственный.

12. Плотников, Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея : [Вст. статья] // В. Дильтей. – Собр. соч. в 6 томах. Т. 1 : Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории : [Текст] / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. – [1-е изд.]. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 15–157 (762 с.). – ISBN 5-7333-0237-2. – Текст : непосредственный.

13. Столбова, Н. В. Герменевтика как методология социально-гуманитарных наук: опыт и перспективы : [Статья] // Вестник ПНИПУ. Культура, история, философия, право : [Журнал]. / Учредитель ПНИПУ ; под ред. В. Н. Стегния ; под ред. В. П. Мохова. – 2010. – № 2. – Пермь, 2010. – С. 62–70. – ISSN 2224-9974. – Текст : непосредственный.

14. Хайдеггер, М. Бытие и время : [Текст] / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. – 2-е изд. испр. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 451 с. – (Слово о сущем). – ISBN 5-02-026839-9. – Текст : непосредственный.

15. Шлейермахер, Ф. Герменевтика : [Текст] / Ф. Шлейермахер ; пер. с нем. и предисл. А. Л. Вольского. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2004. – 242 с. – ISBN 5-8015-0176-2. – Текст : непосредственный.

4. ГЕРМЕНЕВТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

4.1. Связь между социологией, герменевтикой и лингвистикой

Понимание связи между социологией, герменевтикой и лингвистикой развивалось постепенно, и его генезис можно проследить в социолого-философских работах **Э. Бетти** (1890–1968), **П. Рикёра** (1913–2005) и **Ю. Хабермаса** (1929). Эти работы [1–4], [8], [9], [11] хотя и имеют преемственность герменевтических принципов, отчасти заимствованных из универсальной герменевтики **Х.-Г. Гадамера**, все же принципиально различаются между собой, поскольку в каждой из них исходное понятие герменевтики надделено особым смыслом, что позволяет выявить три способа использования герменевтического метода в современной теории общества.

Сразу надлежит сказать, что фундаментальные основы социального и исторического опыта проясняются уже в герменевтике Гадамера. Однако у Рикёра предмет герменевтики – это не непосредственные высказывания, а обязательно тексты, представляющие собой «формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством операций прочтения» [9], в то время, с точки зрения Хабермаса, интерпретация имеет дело с речевыми высказываниями участников коммуникативной ситуации [11], а Бетти акцентирует внимание на ценностях, разделяемых коммуникантами [4].

Одним из ключевых терминов в теории Бетти является понятие *репрезентативной*, или смыслодержательной, *формы* (*forma rappresentativa*) – формы-посредника, которая занимает пространство между автором (адресантом) и интерпретатором (адресатом). Форма-посредник в процессе интерпретации выполняет представительскую функцию адресанта как *другого* по отношению интерпретатору, создавая при этом новый объект интерпретации: понимаемое в широком смысле неразрывное единство автора и его речи. К репрезентативным формам Бетти относит любые объективации, выражающие личность: она вполне может быть высказыванием или текстом, произведением искусства или просто поступком. Бетти так развернуто и пишет: «...от живой и струящейся речи до неподвижного документа или застывшего памятника, от записанного текста до условных знаков, цифр и художественных символов, от артикулированной речи, от поэтического или прозаического слова, от языка доказательств до фигуральных или музыкальных выражений, от немого жеста, выражения лица до манеры и стиля поведения» [1, 60]. Понятие репрезентативной формы отчасти заимствовано Бетти из «герменевтической» концепции более раннего его соотечественника **Дж. Вико** (1668–1744), считавшего, что истинному познанию поддается то, что создано самим человеком, т. е. продукты человеческой культуры и цивилизации.

Еще одно понятие, которое использует Бетти для демонстрации важности ценностей в процессе интерпретации репрезентативной формы между коммуникантами – это *идеальная объективность* (*oggettività ideale*). Она противопоставляется *реальной объективности* (*oggettività reale*) – данным триединству чувственного, познавательного и целеполагающего опыта. Бетти, поясняя характер предметностей идеальной объективности – не первый, кто включает в таковую мир идеальных объектов, таких как математические предметы и отношения, логические формы, принципы и категории. Однако Бетти в своей герменевтической теории как бы заново аргументирует, почему ценности принадлежат к сфере объективно-идеального, поскольку его герменевтика затрагивает следующие вопросы: 1) как и посредством чего можно распознать ценности; 2) в каком отношении ценности находятся субъекту-интерпретатору; 3) как ценности соотносятся с репрезентативной формой; 4) каким образом ценности реализуются и приобретают характер феноменального существования. Понятие идеальной объективности, включающей в себя ценности, также отчасти заимствовано Бетти у **Н. Гартмана** (1882–1950), который в свою очередь почерпнул ее из антропологии **М. Шелера** (1874–1928).

Вслед за Н. Гартманом Бетти так понимает происхождение ценностей: если этическая теория **И. Канта** (1724–1804), поставленная перед дилеммой считать ценности результатом опыта или считать их порождением разума, делает выбор в пользу разума и субъективности, то она не учитывает универсальный и общечеловеческий характер ценностей. Однако, несмотря на идеальный характер формы ценностей, из которого следует универсальная возможность их интерпретации, сами ценности становятся таковыми только будучи выраженными реально (посредством репрезентативной формы), например, в слове.

Именно отсюда вытекает понимание итальянским философом процесса интерпретации. Идеальный характер формы ценностей может гарантировать объективность интерпретации, защитить «инаковость» объекта интерпретации, выраженного репрезентативной формой, и предотвратить привнесение субъективных смыслов со стороны интерпретатора: предрассудков, иллюзий и пр. Процесс интерпретации не может быть редуцирован к простому противопоставлению «интерпретатор – текст» (субъект-объектно), поскольку интерпретатор имеет дело не с речевым актом, а с человеком, вкладывающим универсальную систему ценностей в репрезентативную форму.

Герменевтика Бетти повлияла на **П. Рикёра**. Согласно Рикеру, цель герменевтической процедуры состоит в различении понимания и интерпретации. Понимание представляет собой овладение смыслами, которые другой человек вкладывает в собственные высказывания или тексты,

в то время как интерпретация является техническим способом достижения понимания. Интерпретация работает исключительно с внешними проявлениями субъективности, поэтому «герменевтический круг» Шлейермахера – это понятие, описывающее процесс понимания.

Рикёр считает, что герменевтика в социальных явлениях должна работать не с вербальными высказываниями участников коммуникативной ситуации, а с текстами. Однако он наделяет текстуальными чертами не только сами тексты, но и один из предметов социологии – действие, которое вслед за классиком немецкой социологии **М. Вебером** (1864–1920) он понимает в духе парадигмы социальных дефиниций. «Макс Вебер, – пишет Рикёр, – определяет предмет своего исследования как понятное по смыслу поведение людей. Можем ли мы заменить определение “понятное по смыслу” на “прочитываемое”?» [2, 97]. Здесь Рикёр пользуется термином «*дискурс*» (*фр. le discours* – «речь»), который во времени Рикёра приобрел свое техническое значение в философии структурализма. Дискурс в структуралистской дихотомии – это то же самое, что и синтагма⁶, т. е. введенный швейцарским лингвистом и основателем семиотики **Ф. де Соссюром** (1857–1913) тип знаковой системы, при помощи которого в семиотике различаются речь и язык. В структурализме по тому же самому принципу различаются *дискурс* и *лингвистическая структура*, т. е. язык в употреблении (дискурс) и язык как статичная знаковая система (лингвистическая структура). Дискурс в структурализме имеет несколько характерных черт: 1) он непосредственно связан с говорящим в настоящий момент субъектом; 2) он всегда обращен к кому-то другому; 3) он совершается в ситуации социального взаимодействия.

Тем не менее, дискурс, согласно Рикёру, – это внутреннее, психическое действие, которое при своем внешнем проявлении (например, произнесении вслух) превращается в текст, при этом следствием такого превращения является изменение его основополагающих качеств. Во-первых, исчезает ситуация «настоящего момента». Рикёр аргументирует это тем, что обычная ситуация коммуникации двух людей может быть записана, а в этом случае зафиксирована будет вовсе не сама речь, обладающая некой длительностью в настоящем времени, а ее *смысл*. Событие же фиксации дискурса будет иметь совсем другую длительность и другое место в хронологии событий, релевантных как для автора (адресанта), так и для интерпретатора (адресата). Во-вторых, превращение дискурса в текст порождает двойную дистанцию: как от производящего речь субъекта, так и от воспринимающего речь субъекта. Текст в таком случае – это неделимое автономное смысловое единство. Поэтому, если понимание требуется

⁶ Подробнее о термине см. в разд. 5 «Начала семиотики».

для внутреннего мира субъекта, то интерпретация требуется именно для текста, причем, текст как целое оказывается потенциально обращенным не только к присутствующим коммуникантам, но и к самой разнообразной аудитории, предлагающей столь же многообразные интерпретации его смысла. В-третьих, текст переходит из ситуации конкретного коммуникативного действия к многообразию ситуаций опосредованного взаимодействия текста и его различных. Рикёр, пользуясь немецкими терминами, заимствованными из феноменологии, говорит, что для процедуры интерпретации исходный мирок непосредственно взаимодействующих в коммуникации (*Umwelt*) превращается в мир (*Welt*) многообразия социального действия.

Процесс превращения дискурса в текст Рикёр называет **текстуализацией**. Текстуализация в свою очередь порождает двойственный смысл действия (как *коммуникативного* и *социального*), что, собственно, Рикёр и пытается исследовать в собственном понимании заимствованного из неопозитивистской философии **Л. Витгенштейна** (1889–1951) понятия **языковой игры**.

Проект **Ю. Хабермаса** отталкивается от герменевтики Рикёра, но выступает как программа исследования языковых высказываний, используемых участниками социального или коммуникативного взаимодействия с тем, чтобы достичь «общего» для коммуникантов понимания. Вербальное высказывание, как отмечает Хабермас, выполняет три функции: 1) выражение намерений говорящего; 2) выражение межличностного отношения, устанавливаемого между адресантом и адресатом; 3) выражение информации об имеющем место в мире положении дел.

Хабермас считает, что высказывание по своей сути есть высказывание для адресата, оно изначально сообщено *кому-то другому*. С точки зрения адресата-интерпретатора, адресант, находясь в ситуации коммуникации с адресатом, выражает заодно и собственное мнение по поводу коммуникативной ситуации и прилагает определенные усилия, чтобы слушатель *понял*, что имеется в виду. Хабермас подчеркивает, что адресант не только сообщает информацию о положении дел в мире, «но еще и [демонстрирует отношение] к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательно регулируемых межличностных отношений) и [к чему-то] в собственном, субъективном мире» [11, 40].

Хабермас предлагает осознать разницу между просто наблюдателем коммуникативной ситуации и герменевтом, или интерпретатором, т. е. между позицией наблюдения и позицией интерпретативной. В первом случае, в случае *наблюдения* социальной реальности, человек направлен на объект, предоставляющий наблюдателю необходимую информацию. Во втором случае, человек – *участник* социального взаимодействия, вступающий

в тот самый требующий полного сосредоточения диалог. При этом все субъекты, чьи высказывания подвергаются истолкованию (в т. ч. и сам интерпретатор) являются равными партнерами по социальному процессу. Тем не менее, Хабермас указывает на то, что герменевтические процедуры, которыми можно использовать в социологии, имеют ряд преимуществ. Здесь Хабермас упоминает о рациональных предпосылках интерпретации и о том, что герменевтика может обладать такой функцией, как рациональная реконструкция. Возможная или вероятная рациональность высказываний субъекта является условием того, что процесс истолкования не требует от интерпретатора много усилий. Хабермас считает, что всякий процесс интерпретации имеет рациональную природу, и аргументирует это тем, что в процессе понимания интерпретатор сам принимает во внимание какую-либо рациональную схему, которой он будет придерживаться и распространять как обязательную для всех участников коммуникации. Именно это действие, которое признано выявить у коммуникантов исходные «общие» допущения, нормы и источники обыденного непроблематичного знания, Хабермас называет *рациональной реконструкцией*.

Теоретические социально-философские проекты Э. Бетти, П. Рикера и Ю. Хабермаса решают две задачи: с одной стороны, они последовательно обосновывают необходимость применения интерпретативных процедур в социологии и отмечают, что у социологии и герменевтики есть некий общий предмет изучения, с другой – выявляют в своих работах новые рефлексивные установки, которых нет в универсальной герменевтике Х.-Г. Гадамера.

4.2. Понятие «коммуникативного действия» и герменевтика

И П. Рикёр, и Ю. Хабермас, применяя герменевтические методы к социальной проблематике, опираются на понятие «коммуникативного действия» как среды, в которой и происходит интерпретация. У обоих мыслителей предметом их рассмотрения становится сама ситуация коммуникации, на которую и направлен герменевтический метод, поскольку вокруг этой ситуации образуется сфера символических значений. Еще одна общая черта обоих социально-философских проектов герменевтики заключается в том, что и Рикёр, и Хабермас разрабатывают их, находясь под влиянием работ классика немецкой социологии **М. Вебера**.

Однако Рикёр, в отличие от Хабермаса, различает *коммуникативное* действие и *социальное* действие. Если коммуникативное действие, согласно Рикёру, есть действие, в котором «воплощается» дискурс коммуниканта,

его «внутренний мир», то социальное действие – это действие, наделенное интерпретируемым смыслом, поставленное в ряд свершившихся событий. В социальном действии, по мнению Рикёра, уже не столь важны намерения совершившего его субъекта, социальное действие, будучи текстуализацией, представляет собой некий «след» в череде иных действий и событий. Хотя Рикёр заимствует понятие *социального действия* у **М. Вебера** [5], однако понимание им социального действия все же расходится с представлениями Вебера. Даже при том, что Рикёр берет у Вебера многие понятия, описывающие социальное существование, например, процедуру *каузального вменения (Zurechnung)*⁷ социального действия, он решительно отвергает всякую субъективность социального действия. Если у Вебера «социальность» – это некая субъективно полагаемая соотнесенность действия субъекта с действиями других лиц [5, 453], то «социальность» Рикёра – это внешняя констатация уже свершившегося коммуникативного действия в момент превращения намерений субъекта в текстуальный смысл. В целом, можно сказать, что различие *коммуникативного* и *социального* действий в герменевтике Рикёра следующее: 1) коммуникативное представляет собой ситуативную среду для интерпретации; 2) коммуникативное действие само не интерпретируется; 3) коммуникативное действие теряет ситуативность и, текстуализуясь, трансформируется в социальное действие; 4) интерпретации подлежит социальное действие.

Перу Ю. Хабермаса принадлежит двухтомное сочинение «Теория коммуникативного действия» [3]. Когда Хабермас пишет о *коммуникативном действии*, то он подразумевает взаимодействие двух или более субъектов, которые находятся в ситуации «разговора». Слово «разговор» употребляется, конечно, в некотором техническом смысле, т. е. не в том смысле, что они заняты говорением друг с другом. Хабермас при помощи термина «разговор» отмечает важную роль языка как средства коммуникативного действия, которое поддается интерпретации (отсюда применимость герменевтических методов исследования). Интерпретация означает здесь общее понимание ситуации коммуникативного действия относительно трех сфер взаимодействия: 1) относительно мира объектов; 2) относительно социального мира (мира ценностей и норм); и, наконец, 3) относительно субъективного «внутреннего мира» каждого из участников коммуникации. Таким образом, субъекты, участвующие в коммуникативном действии, суть интерпретаторы друг друга, занятые поиском взаимопонимания.

Благодаря влиянию Рикёра и структуралистов в теории коммуникативного действия Хабермаса также появляется понятие *дискурса*. Однако

⁷ У М. Вебера этот термин означает ответственность по причине вовлеченности в социальный порядок.

Хабермас привносит в понятие дискурса дополнительные коннотации, почерпнутые им из феноменологической философии. Во-первых, это заимствованное из поздних работ Э. Гуссерля (1859–1938) понятие «жизненного мира» (*Lebenswelt*), а во-вторых – феноменологическая интерпретация социологии действия А. Шюца (1899–1959). Так же, как и Шюц [12, 456–530] в понимании природы коммуникативной среды, Хабермас в понимании дискурса обращается к философии символов Э. Кассирера (1874–1945). В отличие от Рикёра, который считал дискурс чем-то субъективным и нуждающимся в текстуализации, Хабермас видит дискурс как совокупный процесс интерпретаций, протекающий интерсубъективно и конституирующий всеобщие рациональные сущности: истины, ценности и нормы.

Оба теоретика герменевтической мысли в социологии считают, что герменевтические приемы могут быть применимы к исследованию социальной реальности и анализу коммуникативного действия прежде всего потому, что сама коммуникативная ситуация – это ситуация вовлечения участников в процесс понимания.

4.3. Языковой характер человеческого опыта

Язык – это не только система, язык – это еще и род практики, или опыта. В философии языка существует два направления, в которых предпринята попытка расширить роль языка от социокультурного до гносеологического, или даже онтологического, подразумевая при этом то, что опыт речевой деятельности – это, так или иначе, опыт понимания мира. Такими направлениями являются герменевтическая феноменология (в лице Х.-Г. Гадамера) и аналитическая философия (в лице Л. Витгенштейна).

Х.-Г. Гадамер в работе «Истина и метод» анализирует развитие герменевтики и языкознания в период от В. Гумбольдта (1767–1835) до середины XX в. Он замечает, что все языковеды обращали внимание прежде всего на то, что язык во всем своем лингвистическом многообразии (множестве языков мира) остается уникальным феноменом человеческого общества и человеческого общения. Гадамер пишет: «... тут – бытие (*Dasein*) мира есть бытие языковое. В этом заключается подлинная сердцевина того утверждения, <...> что языки представляют собой *мировидения* <...> язык обладает своего рода самостоятельным бытием по отношению к отдельному человеку <...> язык, в среде которого вырастает человек, определяет вместе с тем его связь с миром и отношение к миру» [7, 512–513].

Вместе с тем Гадамер отмечает игровой характер опыта языка как опыта понимания мира. В понятии *языковой игры*, как видится Гадамеру, объединены и переплетены явления мира, их понимание и жизненный

опыт. При этом игра носит не субъективный, а некий над-субъективный, превосходящий субъекта характер, поскольку игра существует как в сознании, так и в независимости от субъектов, в нее вовлеченных. Гадамер пишет: «...это не субъективность того, кому принадлежит опыт <...> ибо она [игра] обладает своей собственной сущностью, независимой от сознания тех, кто играет» [7, 148].

Гадамер признается, что его герменевтическая концепция в некотором отношении близка к той проблематике, которую озвучил представитель другого философского направления – **Л. Витгенштейн**.

Витгенштейн в поздней работе «Философские исследования» [6] также ввел понятие языковой игры в процессе редукции обыкновенной практики речи к упрощенной схеме, содержащей унифицированные способы использования слов естественного языка. По мысли Витгенштейна, результатом такой редукции должен стать «примитивный язык» как некая модель языка, которая с одной стороны должна продемонстрировать игровой «механизм» функционирования естественного языка, а с другой – показать несостоятельность философских построений тех, кто такой игровой характер отрицает.

В некотором роде Витгенштейн вступает в полемику с кантианством, где конечным мерилom априорного знания в пределах опыта выступает воображение. Согласно Витгенштейну, никакие сущности ни в виде понятий, ни в виде созерцаний не могут выступать в качестве доопытных структур знания как нашего внутреннего опыта и наличествовать на довербальном уровне мышления. Способность абстрагирования и, соответственно, понятийного мышления зависит от того, насколько субъект сумел овладеть практикой речевого общения, полагаясь на сферу intersубъективного опыта, который воплощен в повседневном языке.

Несмотря на то, что Витгенштейн и Гадамер принадлежат практически противоположным философским направлениям в своем отношении к рациональности, они схожи в том, что рассматривают проблему данности мира, познаваемости мира человеком в опыте через призму языковых явлений, отмечая при этом независимый от субъекта характер существования лингвистических форм. Оба философа пользуются термином «языковая игра» и подчеркивают, что языковая игра представляет собой процесс, направленный на достижение взаимосогласия и успеха коммуникации.

Вопросы для повторения

1. Как происходил генезис понимания взаимосвязи между герменевтикой и социологией?
2. Что Э. Бетти называет репрезентативной формой?

3. Как в герменевтической теории Э. Бетти ценности соотносятся со сферой объективно-идеального?
4. Что такое дискурс?
5. Какими чертами обладает дискурс?
6. Что П. Рикёр называет текстуализацией?
7. Какие функции, согласно Ю. Хабермасу, выполняет вербальное высказывание?
8. В чем Ю. Хабермас видит отличие позиции наблюдателя социальной реальности от позиции интерпретатора?
9. Что Ю. Хабермас называет рациональной реконструкцией?
10. Работы какого классика немецкой социологии повлияли как на П. Рикёра, так и на Ю. Хабермаса?
11. Как П. Рикёр различает коммуникативное действие и социальное действие?
12. Как Ю. Хабермас определяет коммуникативное действие?
13. Какие философы акцентируют внимание на независимом от индивидуального человеческого сознания характере языковых явлений?

Список литературы к разделу 4

1. Betti, E. *Teoria Generale della Interpretazione* : [Testo] / E. Betti. – [la prima ed.]. – Milano : Dott. A. Giuffrè, 1955. – 982 p. – [17394CB]. – Testo : immediato.
2. Ricoeur, P. *The model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text* : [Text] / *New Literary History* : [Journal] / John Hopkins University. – 1973. – Vol. 5 – № 1. – Baltimore, 1973. – P. 91–117. – ISSN 0028-6087. – Text (visual) : electronic. – URL : <https://pdfs.semanticscholar.org/c465/778912b192abf46c8be5901640b0bb1fa8f8.pdf> (accessed date 16.08.2019).
3. Habermas, J. *Theorie des kommunikativen Handelns* in 2 Bdn. (Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft) : [Text] / J. Habermas ; Ed. M.-A. Rauber. – [1. Aufl.] – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 534 p.; 633 p. – ISBN 978-351807591-3. – Text : direkt.
4. Бетти, Э. *Герменевтика как общая методология наук о духе* : [Текст] / Э. Бетти ; пер. с нем. Е. В. Борисова. – [1-е изд.]. – Москва : Канон+; РООИ Реабилитация, 2011. – 144 с. – ISBN 978-5-88373-001-9. – Текст : непосредственный.
5. Вебер, М. *Основные социологические понятия* : [Текст] / М. Вебер, *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма* : [Текст] / М. Вебер ; под ред. С. Я. Левит. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 648, [3] с. – ISBN 5-8243-0421-1. – Текст : непосредственный.
6. Витгенштейн, Л. *Философские исследования* : [Текст] / Л. Витгенштейн, *Философские работы* в 2 ч. Ч 1 : [Текст] / Л. Витгенштейн ; составл. М. С. Козловой. – [1-е изд.]. – Москва : Гнозис, 1994. – 612 с. – ISBN 5-7333-0485-6. – Текст : непосредственный.
7. Гадамер, Х.-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики* : монография / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступит. ст. Б. Н. Бессонова. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с. – ISBN 5-01-001035-6. – Текст : непосредственный.

8. Рикёр, П. Герменевтика и метод социальных наук : [Текст] / П. Рикёр, Герменевтика. Этика. Политика. (Московские лекции и интервью) : [Текст] / П. Рикёр ; Институт философии РАН. – [1-е изд.]. – Москва : КАМІ АСАДЕМІА, 1995. – 160 с. – (Первые публикации в России). – ISBN 5-86187-045-4. – Текст : непосредственный.

9. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике : [Текст] / П. Рикёр ; пер. с фр. и вступит. статья И. С. Вдовиной. – [1-е изд.]. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 624 с. – (Канон философии). – ISBN 5-86090-054-6. – Текст : непосредственный.

10. Соболева, М. Е. К концепции философии языка Юргена Хабермаса : [Статья] / Логос : Философско-литературный журнал / Центр феноменологической философии, философский факультет РГГУ; Учредитель РГГУ (ныне : Учредитель Ин-тут экономич. политики им. Е. Т. Гайдара). – 2002, № 2 (33). – Москва, 2002. – С. 97–119. – ISSN 0869-5377. – Текст (визуальный) : электронный. – URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/07.htm (дата обращения 16.08.2019).

11. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : [Текст] / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Д. В. Скляднева. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 380 с. – (Слово о сущем). – ISBN 5-02-026810-0. – Текст : непосредственный.

12. Шюц, А. Символ, реальность и общество : [Текст] / А. Шюц, Избранное: Мир, светящийся смыслом : [Текст] / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев [и др.]. – [1-е изд.]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1056 с. – (Книга света). – ISBN 5-8243-0513-7. – Текст : непосредственный.

5. НАЧАЛА СЕМИОТИКИ

5.1. Семантический треугольник стоиков как первая геометрическая модель, описывающая процесс означивания

Предыстория *семиотики* – науки о знаках и знаковых системах – начинается в Древней Греции с изобретения философами стоической школы первой геометрической модели, описывающей процесс означивания. Эта модель называется *семантическим треугольником*, поскольку она содержит *три элемента* (рис. 1):

1) *означающее* – то, что выявляет означаемое. Здесь стоики вводят понятие *лектона* (*словесного обозначения*) как *означающего*. Лектон сам по себе отличается от слова («звукового обозначения», которое «телесно»), которое произносится вслух, когда хотим сказать об означаемом. Произнесенное вслух словесное обозначение – это лектон, который обретает фонетическое выражение в слове. Ничего более, кроме коммуникативной выраженности в фонеме, звук к лектону не прибавляет;

2) *означаемое* – определенное «нечто», к которому нас отсылает лектон. Это не предмет вне ума, а существующее в уме разумное представление о нем. Разумное представление имеет отношение к предмету, т. е. соотносится с ним. В зависимости от того, каково это соотношение, мы можем говорить об истинности или ложности означающего, т. е. лектона. Означаемое – это умопостигаемый образ предмета. Предмет – «нечто» вне нас, с чем разумное представление, или «вещь, выявляемая словом», соотносится. Предмет – это сама чувственно данная вещь;

3) *смысл* – то, что связывает означающее и означаемое.

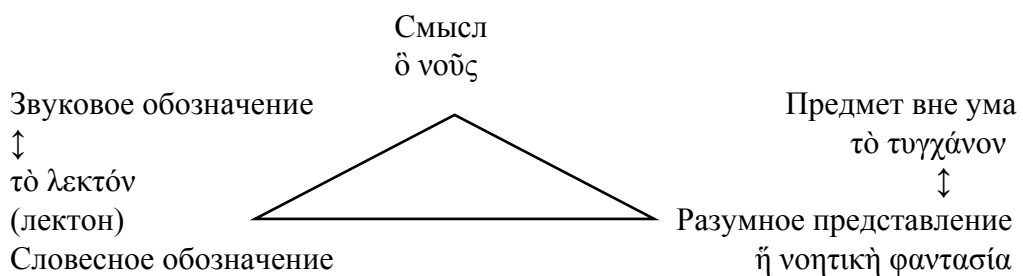

Рис. 1. Семантический треугольник

На основе этой геометрической модели означивания стоиков впоследствии был построен *семиотический треугольник Ч. С. Пирса* (1839–1914). В современной семиотике также имеются различные модификации подобной модели (схемы): *семиотический треугольник Ч. У. Морриса* (1901–1979), *семантический треугольник Ч. К. Огдена* (1889–1957)

и **А. А. Ричардса** (1893–1979), *знаковая пирамида* **К. Бюлера** (1879–1963), *коммуникационный пентагон* **К. Шеннона** (1916–2001), *знаковая призма* **Л. Ф. Чертова** (р. 1949). Важными дополнениями к этим моделям являются *логико-семантическая схема* **Г. Фреге** (1848–1925) и *логико-феноменологическая схема* **Э. Гуссерля** (1859–1938), также разработанные с использованием «геометрии треугольника». Поэтому можно утверждать, что при любом графическом изображении процесса означивания – как в семиотике, так и в семантике, лингвистике, логике, теории коммуникации – неизменными остаются три элемента: означающее, означаемое и смысл.

5.2. Понятие семиозиса, процесс означивания и три его фактора: интерпретаторы знака, знак, обозначенный факт

Семиозисом называется процесс, в котором нечто функционирует как знак (определение **Ч. У. Морриса** [5, 47]). Таких процессов можно найти всего два: 1) процесс порождения значения отправителем сообщения (адресантом); и 2) процесс интерпретации знака получателем сообщения (адресатом). Таким образом, семиозис – это универсальная функция знака, где знак всегда указывает на что-то для кого-то.

Поэтому процесс функционирования знака включает в себя и определяется тремя *семиотическими факторами*:

- 1) то, что выступает как знак – *знаковое средство* (или *знаконоситель*);
- 2) то, на что указывает знак – *обозначенный факт*;
- 3) воздействие (*смысл*), в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком – *знаковая система* и сами *интерпретаторы*.

Процесс семиозиса также можно представить в виде модели или геометрической схемы, которая носит название *семиотического треугольника* (рис. 2).

Рис. 2. Семиотический треугольник

Схемы типа «семиотический треугольник» отличаются от схем типа «семантический треугольник» тем, что включают в себя факторы семиозиса. Автором первой такой схемы, которая включала факторы семиозиса, был американский философ-прагматист **Ч. С. Пирс** (в работе «Начала прагматизма» [6]). В семиотическом треугольнике кроме факторов семиозиса имеются и семантические понятия означающего и означаемого, для названия которых также могут быть использованы и другие термины.

Означающее (сигнификат, репрезентант) – семантическая составляющая того, что выступает как знак, т. е. то же, что и *знаковое средство*, только взятое исключительно как принцип означивания.

Означаемое (десигнат, денотат) – семантическая составляющая того, на что указывает знак, т. е. то же, что и *обозначенный факт*, только взятое исключительно как принцип означивания.

Интерпретанта – знак (семантическая составляющая «смысла») в *знаковой системе*, с помощью которого интерпретируется означающее в его отношении к означаемому, и наоборот. Интерпретанты как знаки нового уровня, связанные в свою очередь с другими означаемыми, **образуют знаковую систему**, которая должна быть с необходимостью известна интерпретатору для интерпретации знака как знака (рис. 3).

Рис. 3. Знаковая система

Семиотика как наука о знаках и знаковых системах имеет дело с любыми типами знаков (средствами знаков, знаконосителями). Это позволяет, например, использовать семиотические методы в общей теории коммуникации при исследовании различных видов коммуникации. Однако *в речевых коммуникациях*, как следует уже из названия нашей дисциплины, методы семиотики применяются к таким процессам означивания как язык и речь (устная и письменная), где преимущественным знаковым средством является слово.

Семиотическими методами исследования текстов пользуются в *теории литературы и литературоведении*, применяя их при анализе литературных произведений. Одним из самых известных во всем мире литературоведов-семиотиков был отечественный филолог и литературовед

Ю. М. Лотман (1922–1993), перу которого принадлежат такие работы, как «Лекции по структуральной поэтике» [4], «Структура художественного текста», «Анализ поэтического текста».

Семиотические методы исследования применяются в *журналистике* и во всех типах *медиа-текстов*: очерк, пиар, реклама и т. д. Ряд современных отечественных и зарубежных исследователей считает, что накопленный пятидесятилетний опыт обращения журналистики к семиотическим методам приводит в начале XXI в. к появлению новой прикладной дисциплины – *медиалингвистики*.

Семиотика претендует также на роль метода, применимого ко всем гуманитарным (и не только гуманитарным) дисциплинам. В XX в. активно развивались такие прикладные направления семиотики, как:

- *социосемиотика* – дисциплина, использующая семиотические методы в изучении социальных явлений, главным образом в коммуникации между индивидом и группой;
- *психосемиотика* – комплекс методов, использующихся в психоанализе, гештальтпсихологии, в проблемах, связанных с эмпатией («вчувствованием» в другого);
- *биосемиотика* – комплекс методов, которые применяют при решении задач, связанных с передачей генетической информации при определении границ популяций и видов, при исследовании коммуникации животных.

Ч. С. Пирс и его продолжатели (Ч. У. Моррис, Ч. К. Огден, А. А. Ричардс) составляют *американскую школу* семиотики, отличительная черта которой – содержание моделей *мотивированного семиозиса*. Существует и другая, *франко-швейцарская школа* семиотики, начало которой принято связывать с именем выдающегося швейцарского лингвиста **Ф. де Соссюра** (последователи: **К. Леви-Стросс** (1908–2009), **Р. Барт** (1915–1980), **У. Эко** (1932–2016), **Л. Ельсмлев** (1899–1965)). Отличительная черта франко-швейцарской школы – исследование процесса (и создание моделей) *немотивированного семиозиса*, в которых на первое место ставится *семантическая пара*: отношение означающего к означаемому.

Мотивированным семиозисом называется процесс функционирования знака, в котором отношение между означающим и означаемым мотивировано либо их сходством, либо встречающейся в окружающем мире смежностью знака и его объекта.

Немотивированным семиозисом называется процесс функционирования знака, в котором отношение между означающим и означаемым отсылает к конвенционально принятой между людьми системе интерпретант.

5.3. Знаковые системы

Мыслителями франко-швейцарской школы семиотики были предложены структурные модели *знаковых систем*, благодаря которым (и в которых) знак может интерпретироваться как знак: как определенное означающее, отсылающее к определенному означаемому. Ф. де Соссюр в работе «Курс общей лингвистики» [7] описал две таких структурных модели – *парадигму* и *синтагму*.

Парадигма (от др.-греч. παραδείγμα – «образец») – это «пространственная», топологическая структура знаковой системы, в которой знаки объединены *ассоциативно* или в соответствии с *синхроническим* (одновременным) принципом. Парадигматические отношения объединяют знаки на основе общности их признаков. Примерами парадигмы в лингвистических знаках могут быть *словари, таблицы глагольных форм, таблицы склонений* и др.

Синтагма (от др.-греч. σύνταγμα – «состав») – это «временная», последовательная структура знаковой системы, в которой знаки образуют цепь, вступают в отношения, исключающие возможность появления двух элементов сразу, или в соответствии с *диахроническим* (растянутым во времени) принципом. Примерами синтагмы в лингвистических знаках могут быть *рассказ, монолог, диалог* и др.

Приняв во внимание различия знаковых систем парадигмы и синтагмы в лингвистических знаках (знаках вербальной коммуникации), сразу же можно отметить, что *понятие языка* и *понятие речи* в семиотике и лингвистике отличаются друг от друга. Термин «язык» употребляется, когда мы хотим выявить целостную топологическую структуру ассоциативных отношений слов – *парадигму*: язык как некое целое существует в словарях, правилах, нормах. Термин «речь» употребляется, когда мы хотим выявить такую структуру знаковой системы, где слова связаны в последовательную линейную цепочку – *синтагму*. Речь, в отличие от языка, – это всегда речевой акт или текст, где знаки расположены в смысловой и грамматической последовательности.

Следует также упомянуть и *многоуровневую знаковую систему* чешского лингвиста, лингвиста и историка литературы **Б. Трнки** (1895–1984). Многоуровневая знаковая система – это такая система знаков, в которой реализуется функциональное отношение *низшего* и *высшего* уровней: элементы (знаки) низшего реализуют свою функцию в составе элементов (знаков) высшего уровня. Так, структура внешней формы самих лингвистических знаков позволяет рассматривать их знаковую систему как четкую иерархическую организацию, в которой выделяются три взаимосвязанных уровня: *уровень субзнаков, уровень знаков* и *уровень суперзнаков*.

В языке, в речи и на письме мы пользуемся следующими уровнями:

- **субзнаки** – это буквы, звуки, знаки препинания любого естественного языка. Они несут в себе не полную информацию, а выполняют различительную или разграничительную функцию. Субзнаки, сочетаясь между собой, образуют большое количество семиотических единиц следующего уровня: например, десятки и сотни тысяч слов в естественных языках;

- **знаки** – слова, словосочетания – выполняют информационную функцию. Они, комбинируясь друг с другом для передачи сложных сообщений, образуют единицы высшего уровня – **суперзнаки**;

- **суперзнаки** – это предложения в естественных языках. Их число может быть практически бесконечным.

Тем не менее, комбинирование единиц на каждом уровне знаковой системы также осуществляется в двух проекциях: синтагматической (горизонтальной, «временной») и парадигматической (вертикальной, «пространственной»). Синтагматическое комбинирование единиц – это сочетаемость знаков в линейном ряду, а парадигматическое – представлено различными оппозициями, группировками, правилами сочетания означающих и означаемых.

5.4. Основные разделы семиотики: семантика, синтактика, прагматика

Ч. У. Моррис в работе «Основания теории знаков» [5] предложил следующее членение семиотики на составляющие разделы:

- **семантика** (от др.-греч. σῆμα – «знак») – раздел семиотики, изучающий отношение знака к объекту (означаемому). При этом означаемое называлось им: 1) **денотатом**, если таковое означаемое было реальным объектом (вещью), и 2) **десигнатом**, если означаемое существовало исключительно как идеальный объект, не соотносимый с реальностью. Например, означаемое «стол» – это денотат, а означаемое «экспонента» – десигнат;

- **синтактика** (от слова «синтаксис») – раздел семиотики, изучающий отношение знаков между собой;

- **прагматика** (от др.-греч. πρᾶγμα – «дело») – раздел семиотики, изучающий отношение знака к субъекту (интерпретатору).

Остановимся вначале на **семантике**. Основатель семиотики Ч. С. Пирс смог выделить три основных разновидности знаков, классифицируя их по отношению означающего к означаемому.

1. **Икона** – это знак, который функционирует как знак при условии сходства означающего и означаемого. Примером иконы может быть какое-

либо изображение: фотография, портрет, пейзаж, скульптура. При этом само изображение как носитель знака (т. е. некоторая система «пятен» – светлых и темных участков плоскости, – или система выпуклых и вогнутых участков поверхности в случае скульптуры) оказывается схожим с обозначаемым им объектом: человеком, местностью.

2. **Индекс** – это знак, который функционирует как знак при условии смежности (частого сопутствия друг другу) означающего и означаемого. Примером индекса в семиотике может быть жест указания на предмет, поскольку действие жеста смежно с взглядом, с желанием обладать и т. д.

3. **Символ** – это знак, который функционирует как знак в силу конвенциональных установок интерпретаторов по отношению к знаковой системе интерпретант. Примером символа в семиотике является слово.

Исходя из этой типологии знаков, мы можем выделить основные подразделы семантики как раздела семиотики. Соответственно:

- **иконология** – раздел семантики, исследующий знаки в их иконическом отношении к означаемому. Для решения некоторых проблем иконология прибегает к помощи гештальтпсихологии;

- **индексология** – раздел семантики, исследующий знаки в их индексальном отношении к означаемому. Индексология также прибегает к помощи гештальтпсихологии для решения некоторых своих проблем;

- **симвология** – раздел семантики, исследующий знаки в их символическом и конвенциональном отношении к означаемому.

В свою очередь **синтактика** как раздел семиотики, исследующий отношения между знаками, распадается на два подраздела: **формальную логику** (по мнению некоторых ученых) и **лингвистику**.

Формальная логика (в этом случае) – это наука о формальном синтаксисе непротиворечивых систем знаков, а **лингвистика** – как уже было сказано ранее – наука о естественных языках человека как знаковых системах и об их наиболее общих законах. Поскольку мы признаём за знаковыми системами возможность их организации одним из двух способов – парадигмой или синтагмой – то, в свою очередь, мы можем найти в лингвистике два подраздела: **парадигматику** и **синтагматику**.

Вопросы для повторения

1. Какая школа античной философии исследовала знаковую проблематику?
2. Что такое семантический треугольник?
3. Какие модификации семантического треугольника имеют место быть в современной семиотике?
4. Что такое семиозис?

5. Какие факторы участвуют в процессе семиозиса?
6. Что такое сигнификат и денотат?
7. Что Ч. С. Пирс называет интерпретантой?
8. Что исследует социосемиотика?
9. Чем различаются модели мотивированного и немотивированного семиозиса?
10. Какие знаковые системы описывает Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики»?
11. Какие элементы включает в себя многоуровневая знаковая система Б. Трнки?
12. Что представляет собой семантика в составе семиотики?
13. Какие проблемы исследует синтактика?
14. Какой знак Ч. С. Пирс называет иконой?
14. В чем заключается отличие индекса от символа?
15. Какими вопросами занимается индексология?

Список литературы к разделу 5

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 2-е изд. доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с. – ISBN 5-9551-0077-6. – Текст : непосредственный.
2. Ельмслев, Л. Метод структурного анализа в лингвистике : [Текст] Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков : [хрестоматия] / сост. В. А. Звегинцев. – [1-е изд.]. – Москва : Гос. учебн.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 418–426 (459 с.). – [А 10193]. – Текст : непосредственный.
3. Лингвистический энциклопедический словарь : словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева ; Ин-тут языкознания АН СССР. – [1-е изд.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.
4. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике : [Текст] / Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа : [Текст] / Ю. М. Лотман ; сост. А. Д. Кошелев. – [1-е изд.]. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 17–245 (560 с.). – ISBN 5-7333-0486-3. – Текст : непосредственный.
5. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков : [Текст] / Семиотика : антология / под ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд. доп. – Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 691 с. – ISBN 5-88687-096-2. – Текст : непосредственный.
6. Пирс, Ч. С. Начала прагматизма. В 2 томах. Т. 2. Логические основания теории знаков : [Текст] / Ч. С. Пирс ; пер. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с. – (Метафизические исследования. Приложение к альманаху). – ISBN 5-89329-278-2. – Текст : непосредственный.
7. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики : [Текст] / Ф. де Соссюр ; под ред. Р. И. Шор. – 2-е изд. стереотипн. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – (Лингвистическое наследие XX в.). – ISBN 5-354-0056-6. – Текст : непосредственный.
8. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию : [Текст] / У. Эко ; пер. А. Г. Погоняло. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 432 с. – Текст : непосредственный.

6. СЕМИОТИКА И КОММУНИКАЦИЯ

6.1. Структура коммуникативного акта с точки зрения семиотики

Речевой (устный или письменный) коммуникативный акт с точки зрения современной семиотики имеет многоуровневую структуру. Его основной уровень – собственно «говорение», связывающее смысловое содержание и знаковое выражение речевого акта (или текста) – наиболее полно выражает схема, которая называется *знаковой призмой Л. Ф. Чертова* (рис. 4).

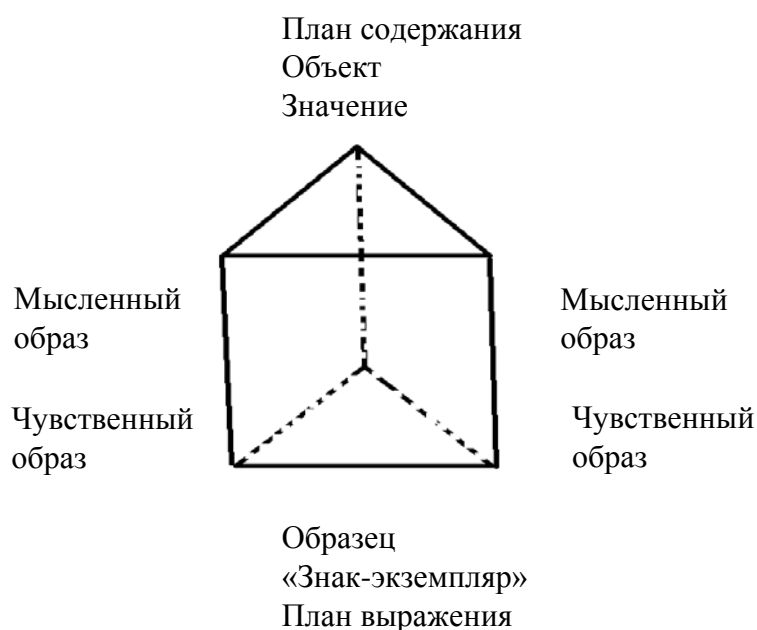

Рис. 4. Знаковая призма Л. Ф. Чертова

Значение (т. е. означаемое) находится в центре верхнего основания призмы, которое называется *планом содержания*. К нему сходятся лучи трех углов призмы – *объекта-означаемого, мысленного образа* (интерпретанты) отправителя сообщения и *мысленного образа* (интерпретанты) получателя сообщения. В центре нижнего основания призмы, названного *планом выражения*, находится *знак-образец*, а к нему сходятся лучи трех углов призмы – *знака-экземпляра, чувственного образа* отправителя сообщения и *чувственного образа* получателя сообщения. Схема призмы учитывает коммуникативную сторону семиозиса, поэтому грани призмы представляют собой три семантические пары: 1) знак-экземпляр и объект-означаемое, 2) чувственный и мысленный образы отправителя сообщения, а также 3) чувственный и мысленный образы получателя сообщения. Интерпретанты адресанта и адресата сообщения в такой схеме выступают

не только в роли знака в какой-либо заранее данной знаковой системе (или даже **пресуппозиции** или **фрейма**, который должен быть известен им обоим), но и в роли означаемого в индивидуальном понимании каждого из коммуникантов.

Фрейм (от англ. *frame* – рамка) – в некоторых концепциях моделирования речевой деятельности этим словом называют дополнительные условия, определяющие знаковую систему, такие, например, как «ритуальные» (фатические) последовательности речевого акта, интерпретируемые на основе представлений о месте человека в мире.

Таким образом, структура речевого акта на уровне связи смыслового содержания и знакового выражения включает следующие основные компоненты: адресант, адресат, содержательный материал сообщения (включая пресуппозицию или фрейм – общие заранее известные знания коммуникантов) и выразительный материал сообщения.

Английский философ и логик **Дж. Остин** (1911–1960) [3] из Оксфорда предложил трехуровневую систему, главным новшеством которой явилось понятие **иллокутивного акта** и соответствующее ему семантическое понятие иллокутивной функции (силы). Понятие **иллокутивной силы** стало отражать такие аспекты речевого акта, которые до того момента не имели адекватного описания ни в традиционной лингвистике, ни в классической риторике.

Речевой акт в первую очередь выступает как **локутивный акт** (от лат. *locutio* – говорение): речевой акт (или текст) следует рассматривать как собственно сообщение о чем-либо посредством знаков.

Однако семиотический анализ речевого акта требует рассмотрения и других уровней и соответствующих им наборов компонент. Так, например, **цель сообщения, развитие** (внутренняя организация речевого акта), **контекст, ситуация общения, межличностные отношения** участников общения тоже представляют собой некие знаки, функционирующие как интерпретанты. Эти **прагматические** компоненты (**прагматика** как раздел семиотики, изучающий отношение знака к интерпретатору) характеризуют внеязыковую часть речевого акта, благодаря которой последний выступает как **иллокутивный акт**. Иллокутивная функция (от лат. *in locutio* – в процессе говорения) или иллокутивная сила высказывания – это интегральная, обобщенная и целостная характеристика высказывания как средства осуществления сообщения.

И, наконец, ряд исследователей помещает на отдельный уровень **последствия** речи (текста). Речевой акт, рассматриваемый в аспекте его реальных последствий, выступает как **перлокутивный акт** (от лат. *per locutio* – посредством говорения).

Продолжателем Дж. Остина в этом вопросе был американский логик и философ **Дж. Сёрль** (р. 1932), предложивший наиболее известную универсальную классификацию иллокутивных актов [6] согласно целевой установке (см. далее).

6.2. Семиотический анализ исполнителя речевого акта в рекламе

На основании многоуровневой семиотической структуры речевого акта ряд зарубежных (**М. Хэллидей**, 1925–2018) и отечественных (**А. А. Кешисьян**, 1983) исследователей произвели анализ эффективности рекламы как речевого воздействия при сопутствующих факторах (типология знака рекламируемой продукции, типология знака аудитории, к которой обращена реклама).

Типология знаков в десяти категориях была разработана еще основателем семиотики Ч. С. Пирсом. Ниже мы приводим отрывок из его работы «Начала прагматизма» (студентам настоятельно рекомендуется самостоятельно ознакомиться с этой частью работы), где Пирс дает описание возможных категорий знаков [4, 63–67].

Список категорий знаков

1. **Квалисигнум** (например, переживание «красного цвета»), т. е. всякое качество постольку, поскольку оно является знаком. Качество есть то, что оно есть определенное в самом себе, поэтому оно может только денотировать объект посредством некоторого общего с ним элемента или подобия. Поэтому Квалисигнум с необходимостью является Иконой. Далее, поскольку качество представляет собой простую логическую возможность, оно может быть интерпретировано только как знак сущности, т. е. Рема.

2. **Иконический Синсигнум** (например, некоторая индивидуальная схема), т. е. любой объект опытного знания при том условии, что какое-либо его качество делает его способным к определению идеи объекта. Являясь Иконой, а следовательно, знаком благодаря чистому подобию с чем угодно, что может быть подобно, он может интерпретироваться также только как знак сущности, т. е. Рема, и ведет к актуализации Квалисигнума.

3. **Индексальный Рема-Синсигнум** (например, произвольный вскрик), т. е. объект прямого опытного знания при том условии, что он направляет внимание на Объект, которым вызвано его наличие. Он с необходимостью содержит в себе особого рода Иконический Синсигнум. Его особенностью является то, что он принуждает интерпретатора сосредоточить внимание на самом Объекте денотации.

4. **Дици-Синсигнум** (например, флюгер), т. е. объект прямого опытного знания при том условии, что он является знаком и в качестве такового доставляет информацию о своем Объекте. Последнее возможно только в силу того, что он подвергается реальному воздействию своего Объекта, поэтому он также представляет собой Индекс. Единственного рода информация, им доставляемая, есть таковая о действительных фактах. Такой Знак для актуализации информации должен содержать в себе Иконический Синсигнум, а также Индексальный Рема-Синсигнум, указывающий на Объект, на который ссылается информация. При этом способ сочетания или *Синтаксис* двух последних также должен иметь значимый характер.

5. **Иконический Легисигнум** (например, Схема (*diagram*) вообще), т. е. общее правило или вид при том условии, что он требует конкретного примера для актуализации того или иного определенного качества, с помощью которого он вызывает в уме идею подобия. Являясь Иконой, он обладает свойствами Рема. Вместе с тем он представляет собой также Легисигнум, управляющий единичными Репликами, каждая из которых проявляет себя в виде особого рода Иконического Синсигнума.

6. **Индексальный Рема-Легисигнум** (например, указательное местоимение), т. е. любой общий тип или закон, тем или иным образом учрежденный, каждый конкретный пример которого должен иметь свой Объект, влияющий на этот пример путем привлечения внимания к его Объекту. Каждая его Реплика будет особого рода Индексальным Рема-Синсигнумом. Интерпретант Индексального Рема-Легисигнума репрезентирует его в качестве Иконического Легисигнума и в некотором, весьма ограниченном смысле, сам является таковым.

7. **Индексальный Дици-Легисигнум** (например, выклики уличных торговцев), т. е. любой общий тип или закон, тем или иным образом учрежденный, каждый конкретный пример которого должен иметь свой Объект, влияющий на этот пример таким образом, чтобы передать об этом Объекте конкретную информацию. Чтобы означить (*to signify*) эту информацию, он должен включать в себя Иконический Легисигнум, а также Индексальный Рема-Легисигнум для денотации субъекта информации. Каждая его Реплика будет особого рода Дици-Синсигнумом.

8. **Рема-Символ**, или **Символическая Рема** (например, имя собственное), т. е. знак, связанный со своим Объектом через ассоциацию общих идей таким образом, что его Реплика вызывает в уме образ, который, благодаря определенным привычкам и склонностям этого ума, способствует образованию общего понятия. При этом Реплика интерпретируется как Знак Объекта, являющегося примером данного понятия. Таким образом, Рема-Символ представляет собой то, что логики называют Общим Термином. Подобно любому другому Символу, Рема-Символ сам по себе

с необходимостью есть нечто общее, т. е. он также является Легисигнумом. Его Реплика представляет собой особого рода Индексальный Рема-Синсигнум. Образ, сообщаемый посредством него сознанию и действующий при этом от имени уже имеющегося в сознании Символа, способствует образованию общего понятия. В этом состоит его отличие от других Индексальных Рема-Синсигнумов, включая те, которые являются Репликами Индексальных Рема-Легисигнумов. Так, указательное местоимение «тот» есть Легисигнум, представляющий собой общее правило. Однако он не является Символом, поскольку не означает общее понятие. Его Реплика способствует привлечению внимания к некоторому единичному Объекту и представляет собой Индексальный Рема-Синсигнум. Например, Реплика слова «верблюд» есть такой Индексальный Рема-Синсигнум. Благодаря тому, что говорящий и слушающий обладают знанием о верблюдах вообще, он подвергается воздействию Объекта (реального верблюда), который им денотируется. Даже если слушающий никогда не сталкивался с данным конкретным верблюдом, это приводит к образованию реальной связи, благодаря которой слово «верблюд» вызывает идею верблюда. То же истинно и относительно слова «феникс». Ибо, несмотря на то, что феникс реально не существует, говорящему и слушающему хорошо известны его реальные описания. Таким образом, слово вступает в реальную связь с денотируемым Объектом. При этом, наряду с Репликами Рема-Символов, существенными отличиями от Индексальных Рема-Синсигнумов обладают также Реплики Индексальных Рема-Легисигнумов. Объект, денотируемый местоимением «тот», не оказывает столь прямого и непосредственного влияния на реплику самого слова «тот», как, к примеру, человек, набравший номер – на раздающийся с другого конца провода телефонный звонок. Интерпретант Рема-Символа часто репрезентирует его как Иконический Легисигнум, но чаще в качестве Индексального Рема-Легисигнума и имеет нечто от природы и того и другого.

9. *Дици-Символ*, или обычная *Пропозиция*. Знак, связанный со своим Объектом через ассоциацию общих идей. Действует подобно Рема-Символу. Его отличие от последнего состоит в том, что подразумеваемый (*intended*) им интерпретант, в отношении того, что означается Дици-Символом, репрезентирует его как находящийся под реальным влиянием своего Объекта, так что существование или закон, который он делает значимым для сознания, вступает в реальную связь с Объектом, на который делается указание. Подразумеваемый Дици-Символом Интерпретант интерпретирует его как Индексальный Дици-Легисигнум и, если последнее верно, обладает частью его природы, хотя этим не исчерпывает своей собственной. Подобно Рема-Символу, он также представляет собой Легисигнум и, как и Дици-Синсигнум, имеет составную природу постольку, по-

сколькx с необходимостью вовлекает Рема-Символ (в результате чего его Интерпретант интерпретирует его как Иконический Легисигнум), чтобы передать информацию, и Индексальный Рема-Легисигнум, чтобы осуществить указание на субъект этой информации. Причем Синтаксис того и другого имеет значимый характер. Реплика Дици-Символа представляет собой особого рода Дици-Синсигнум. Что последнее справедливо, становится особенно очевидным, когда информация, передаваемая Дици-Символом, сообщает некий действительный факт. В том случае, когда информация передает реально действующий закон, данное положение в равной степени ложно, ибо Дици-Синсигнум не способен к передаче информации, содержащей общее правило. Таким образом, истинность суждения по поводу Реплики Дици-Символа зависит от того, имеет ли указанный закон конкретные примеры своего применения.

10. *Аргумент*, т. е. знак, чей интерпретант репрезентирует его объект в качестве будущего (*ulterior*) знака благодаря закону, в соответствии с которым такие-то и такие-то умозаключения, следуя за такими-то и такими-то предпосылками, оказываются истинными. Поэтому его объект очевидно должен представлять собой нечто общее, т. е. Аргумент должен являться Символом и, следовательно, Легисигнумом, а его Реплика – Дици-Синсигнумом.

Семиотический анализ эффективности рекламы основан на том, что реклама представляет собой целостный иллокутивный акт, каждый компонент которого является знаком. Из описания десяти категорий знаков Пирса можно сделать следующий вывод: имеются совместимые категории знаков, а имеются – совершенно несовместимые. Речевой акт *не будет обладать иллокутивной силой*, если его компоненты не будут представлять собой совместимые знаки. Более того, эффективность рекламы напрямую зависит от того, насколько совместимы знаки, выступающие в качестве компонентов рекламы (т. е. продукция как знак, исполнитель речевого акта как знак, аудитория как знак и т. д.).

Отечественная исследовательница семиотики рекламы **А. А. Кешисьян** предложила [2, 156] следующую таблицу для идеальной совместимости некоторых знаковых компонентов рекламы, где главное место отводится знаковой роли исполнителя речевого акта в рекламе (табл. 1).

Так, например, продукцию «газ» или «бензин» (аргумент) должен рекламировать закадровый голос, а продукцию « меховая шуба» (иконический синсигнум) должна рекламировать модель, изображающая эталон позиционирования.

Таблица 1

Роль исполнителя речевого акта в рекламе (согласно А. А. Кешишьян)

№	Категория знака	Характеристика продукции	Роль объекта	Реализация
1	Квалисигнум	Определенное само в себе качество, представляющее некую возможность	Самопрезентатор	Политик, рекламный агент, промоутер, представитель фирмы
2	Иконический Синсигнум	Актуализированный Квалисигнум	Идеальный персонаж	Модели, изображающие эталон позиционирования
3	Индексальный Рема-Синсигнум	Узнаваемый объект, репрезентирующий приписываемые качества	Персона в роли типичного персонажа	Известная личность, помещенная в некую типичную ситуацию
4	Дици-Синсигнум	Восстанавливаемый на основе репрезентируемых качеств значимый объект	Эксперт	Реальные специалисты, дающие оценку продукта
5	Иконический Легисигнум	Пример актуализации качества, вызывающий идею подобия	Идеальный персонаж в роли типичного	Модели, изображающие эталон поведения в типичной ситуации
6	Индексальный Рема-Легисигнум	Уникальный объект, актуализирующий специфические качества	Вымышленная персона	Анимированные персонажи, «одушевленные» торговые марки
7	Индексальный Дици-Легисигнум	Узнаваемый объект, проецирующий свои известные качества	Персона	Известная личность в естественной для нее ситуации
8	Рема-Символ	Ассоциируемый с неким общим образом объект	Типичный персонаж	Актеры, изображающие естественную ситуацию
9	Дици-Символ	Ассоциируемый с общим образом объект, воспринимаемый реальным	Обычный человек	Случайные люди, высказывающие свое или якобы свое мнение о продукте
10	Аргумент	Подразумеваемый общий объект, подчиняющийся логическим законам	Диктор	Закадровый голос, письменные высказывания, ведущий телемагазина

6.3. Целевые установки текстов и речевых актов

С точки зрения семиотики, любой речевой акт содержит, прежде всего, *локутивные* компоненты, посредством которых происходит передача информации. Тем не менее, целостный речевой акт, обладающий *иллокутивной* силой, предполагает набор компонентов, самым важным из которых является целевая установка устной или письменной речи. Семиотический анализ целевых установок речи и есть анализ того, *почему* этот человек передает данную информацию именно этим людям и именно в это время.

По способу реализации в речи целевые установки делятся на четыре больших группы.

1. **Императив** – силовой способ речевого воздействия (приказ, угроза, словесный садизм и т. д.). В императивной целевой установке преобладают такие знаки, как *символическая рема, индексальный дици-легисигнум, индексальный рема-легисигнум*.

2. **Убеждение** – попытка через аргументацию навязать сознанию другого человека собственную систему взглядов (доказательство, объяснение и т. п.). В убеждающей целевой установке преобладают такие знаки, как *аргумент, дици-символ, иконический легисигнум*.

3. **Провокация** – потребность в получении информации (организация дискуссии, вопрошающая речь и т. п.). В провокативной целевой установке преобладают такие знаки, как *иконический синсигнум, дици-синсигнум, индексальный рема-синсигнум*.

4. **Ритуал** – демонстрация принадлежности к социуму посредством этикета. В ритуальной целевой установке преобладают такие знаки, как *квалисигнум, иконический легисигнум*.

В соответствии с воздействием на разные аспекты сознания адресатов целевые установки речи могут формировать определенные черты иллокутивного эффекта, которые принято называть сферами эффективности. К таким сферам относятся: 1) *конгруэнтность переживаний*; 2) *провокация эмоции*; 3) *привлечение внимания*; 4) *распространение знаний*; 5) *формирование намерений*; 6) *побуждение к действию*; 7) *формирование навыков*; 8) *получение информации*; 9) *социальная конкуренция*.

Императивная целевая установка в соответствии с воздействием на адресата может быть:

1) *конгруэнтностью переживаний*, т. е. попыткой вызвать у адресата эмоцию, подобную той, которую испытывает адресант. Человек имеет как потребность демонстрировать эмоции, так и потребность (способность) воспринимать чужие эмоции, отвечая на них аналогичными. Однако в этом может заключаться опасность: эмоции легко навязать помимо воли (императивным способом). Любая сильная эмоция очень хорошо воспринимается

тем человеком, на которого направлена. Любой коммуникант находится в ситуации «опасности», если вступает в коммуникацию с человеком, который испытывает к первому очень сильные эмоции. Примером здесь может быть оратор, который, находясь в перевозбужденном состоянии, обращается с «пламенной» речью к публике и через некоторое время «зажигает» ее. Другим примером – человек, испытывающий уныние, который «заражает» всех окружающих своим дурным настроением;

2) *эмоциональной провокацией*, т. е. навязыванием любой специально заданной говорящим эмоции на сознательном или бессознательном уровнях. Распространенной является осознанная провокация в человеке чувства стыда. Существует еще одна очень сильная эмоция – эмоция страха. Обе провокации часто используются как методологические приемы вместо убеждения, в основном по отношению к психологически более слабым людям. Речевое императивное воздействие распространено в тоталитарных системах управления, поскольку такая система базируется на страхе. Стыд относится к эмоциям этическим, которые связаны с переживанием чувства долга или духовного удовлетворения. Чувство ответственности, снисхождение к слабому, уважение – также относятся к этическим эмоциям. Эмоции, связанные с интеллектуальным удовлетворением (догадка, понимание сложного научного текста), относятся к так называемым рациональным эмоциям, формирование которых есть основное назначение, в частности, императивной педагогической речи;

3) *побуждением к действию*, т. е. попыткой заставить человека совершить поступок. При этом можно заставить сделать что-то конгруэнтное, т. е. то, что делаем мы сами (например, пригласить человека на танец), или также конгруэнтно чего-то не сделать. Человека можно заставить, конечно, совершить просто какое-то действие или чего-то не совершать. Человечество выработало специальную *речевую форму*, связанную с принуждением к действию или бездействию: это – *приказ*. Рекомендательная модальность имеет безусловное психологическое преимущество по сравнению с модальностью императива;

4) *формированием намерения* (интенции), т. е. действием императива на интеллектуальном уровне. Заставить подумать человека нельзя, но можно сформировать в нем намерение, т. е. заставить его принять определенное решение (даже вопреки его воле). При этом воздействие идет, как правило, через эмоции (страха, стыда и т. п.). Категорию принятия решений следует отнести, таким образом, к категориям эмоциональным и поведенческим, а не собственно мыслительным.

Убеждающая целевая установка в соответствии с воздействием на адресата может быть:

1) *формированием намерения* (интенции): убеждение в чем-то подобно императиву. Убеждение – это успешное интеллектуальное воздействие

на сознание человека, в результате которого он сам приходит к мнению, что некий поступок необходим. Например, мы произносим такую речь перед невеждой, что он начинает сам считать, что ему необходимо учиться. В качестве существенного отличия формирования интенции убеждением от чисто императивного воздействия заметим, что заставить человека, как правило, значительно легче, чем убедить;

2) *распространением знаний*. Для того чтобы научить человека чему-либо, необходимо убедить его. В противном случае он не сочтёт такую «науку» нужной. Вместе с этим также надо научить его дальнейшему распространению знаний: чисто интеллектуальному, логическому приоритету над мыслящими, умными и при этом интеллектуально сопротивляющимися людьми. Когда в коммуникацию с нами входит другой интеллект, с другой системой знаний и убеждений, наш интеллект на начальном этапе сопротивляется тому, что навязывается извне. Для преодоления сопротивления убеждающая целевая установка речи использует аргументацию;

3) *формированием навыков*: в отличие от знаний это еще и передача умения. Внутренняя психологическая мотивация профессиональной деятельности человека носит эгоцентрический характер. Если человек не получает удовольствия от профессиональной деятельности, он приходит к выводу, что ему не стоит ей заниматься. Убеждение здесь направлено на сохранение удовольствия от профессиональной деятельности.

Провокативная целевая установка в соответствии с воздействием на адресата может быть:

1) *привлечением внимания*: в данном случае это активизация коммуникативной функции речи. Человеческое внимание привлекает обычно вопросительная интонация – поскольку она нетипична. Все нетипичное активизирует коммуникативную функцию. Нетипичность поведения (или сюжета) особенно важна, если речь продолжается долго (или текст является длинным). Важно посредством речи стимулировать у слушателей непроизвольное внимание, возникающее как бы само собой вне волевой установки самого человека;

2) *попыткой получения информации*. Эта сфера воздействия на сознание человека схожа с императивом провокации эмоций. Провокативная речь существует для прямого воздействия на других людей, причем подчиняющего воздействия: мы вынуждаем человека передать некоторую информацию. Потребность вынудить другого человека на передачу информации является составляющей человеческой природы, т. е. чем-то таким, что свойственно каждому человеку от рождения.

Ритуальная целевая установка в соответствии с воздействием на адресата может быть:

1) *социальной конкуренцией*. Человек обладает врожденной эгоистической природой, поскольку вся его деятельность связана с внутренней конкуренцией с другими людьми. Эта конкуренция есть источник его совершенствования и совершенствования всех людей, т. е. каждого по отдельности и всего общества в целом. Таким образом, человек может быть эгоцентриком, только если он член общества. В каждом обществе существует специальная система речевого ритуала, который предписывает человеку определенное поведение в определенных условиях. Речевой этикет является как демонстрацией принадлежности обществу, так и залогом социальной конкуренции. При нарушении правил речевого этикета человек никуда физически не перемещается, происходит другой процесс: люди вокруг него исчезают сами. Выход из социума, куда любой индивидуум помещен, критичен, это приводит к состоянию глубокой депрессии, нервного стресса;

2) *привлечением внимания*. Демонстрация принадлежности обществу – процедура, требующая привлечения внимания адресата. Речь с ритуальной целевой установкой разворачивается по определенному сценарию, в ней много *десемантизированного* текста (текста с отсутствием означаемого), хотя некоторые слова очень выразительны – они волнуют окружающих и служат для привлечения внимания к говорящему.

Вопросы для повторения

1. Какая геометрическая фигура предложена Л. Ф. Чертовым для изображения многоуровневой семиотической структуры речевого акта?
2. Что такое фрейм?
3. Какие семиотические компоненты образуют локутивный акт?
4. В чем заключается понятие иллокутивной функции (иллокутивной силы)?
5. Сколько «категорий» знаков предлагает Ч. С. Пирс?
6. Почему некоторые знаки несовместимы как компоненты речевого акта?
7. Что такое целевая установка речевого акта?
8. Какие знаки преобладают в императивной целевой установке?
9. Какие знаки преобладают в ритуальной целевой установке?
10. Какие сферы эффективности воздействия на адресата формируют целевые установки речевых актов?

Список литературы к разделу 6

1. Анисимова, Г. В. Риторика : учебно-методическое пособие / Г. В. Анисимова. – [1-е изд.]. – Владивосток : Дальневосточный университет, 2004. – 73 с. – Текст (визуальный) : электронный. – URL:<http://window.edu.ru/resource/921/40921/files/dvgu042.pdf> (дата обращения 20.08.2019).

2. Кешишьян, А. А. Роль исполнителя речевого акта в рекламе : [Текст] / Известия Байкальского государственного университета : [Научный журнал] / А. А. Кешишьян ; Учредитель: Байкальский государственный университет. – 2014. – № 3 (95). – Иркутск, 2014. – С. 151–158. – ISSN 2500-2759. – Текст : непосредственный.

3. Остин, Дж. Л. Слово как действие : [Текст] / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов : [Сборник статей] / Дж. Л. Остин ; под ред. Б. Ю. Городецкого. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–130 (423 с.). – [Изд. № 39072]. – Текст : непосредственный.

4. Пирс, Ч. С. Начала прагматизма. В 2 томах. Т. 2. Логические основания теории знаков : [Текст] / Ч. С. Пирс ; перев. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колопятина. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с. – (Метафизические исследования. Приложение к альманаху). – ISBN 5-89329-278-2. – Текст : непосредственный.

5. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка : монография / Б. А. Серебренников. – [1-е изд.]. – Москва : Наука, 1972. – 564 с. – Текст : непосредственный.

6. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт? Классификация иллокутивных актов. Косвенные речевые акты : [Статьи] / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов : [Сборник статей] / Дж. Р. Сёрль ; под ред. Б. Ю. Городецкого. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 151–222 (423 с.). – [Изд. № 39072]. – Текст : непосредственный.

7. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах : [Текст] / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов : [Сборник статей] / П. Ф. Стросон ; под ред. Б. Ю. Городецкого. – [1-е изд.]. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 131–150 (423 с.). – [Изд. № 39072]. – Текст : непосредственный.

7. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

7.1. Обзор теорий речевой коммуникации

Разработка теорий речевой коммуникации как отраслевых дисциплин общей теории коммуникации относится к первой половине XX в.

Несмотря на то, что классическая теория речевой коммуникации развивалась как часть общей теории линейной коммуникации **Г. Лассуэлла** (1902–1978), использующего бихевиористский метод исследования раздражителя и ответной реакции, существуют также и многие другие теории речевой коммуникации, использующие более близкие к «слову» лингвистические, семиотические и герменевтические методы.

Одна из первых теорий речевой коммуникации принадлежит **Л. Витгенштейну** [2]. Витгенштейн как философ-аналитик придерживался англо-американской традиции, поэтому он не был согласен с франко-швейцарской школой семиотики и с ее пониманием двойственности языка/речи (парадигмы/синтагмы). Теория речевой коммуникации Витгенштейна включала следующие моменты:

1) понятие «*языкового опыта*» – конкретных контекстных ситуаций использования языка в коммуникации как человеческой деятельности;

2) *лингвистический анализ* – общая процедура аналитической философии, предписывающая как анализ текста (сообщения, речевого акта), так и анализ языковых средств, с помощью которых составлен текст;

3) понятие «*языковой игры*» – прогностического создания речевых конструкций в конкретных ситуациях коммуникации на основе ранее произведенного анализа языковых средств.

Важной вехой в развитии теорий речевой коммуникации оказалась *философия диалога* (и диалогичности) **М. М. Бахтина**. Акцент в этой теории делался на понимании речевой коммуникации как одного из моментов сложного социального и психологического взаимодействия личностей. Теория апеллировала к классическому языкознанию **В. Гумбольдта** и герменевтике **В. Дильтея**. Продолжателями исследований диалогичности были зарубежные философы **М. Бубер** (1878–1965) и **Э. Левинас** (1906–1995).

В предыдущем разделе (лекции) мы уделили внимание семиотике и ее моделям речевой коммуникации. Следует также упомянуть о теориях речевой коммуникации, непосредственно примыкающих к семиотике.

Франко-швейцарская школа семиотики повлияла на возникновение методов *структуралистского* анализа. Так, в работе «Структурная антропология» **К. Леви-Стросс** [4] предпринял попытку исследования корреля-

ции между речевой коммуникацией, основанной на какой-либо системе знаков (то есть на определённом языке) и системами социальных отношений. Такой подход позволил К. Леви-Строссу, с одной стороны, предложить общую теорию коммуникации, понятую как конструирование той или иной социальной реальности, а с другой – интерпретировать такую коммуникацию семиотическими методами. Поскольку лингвистические знаки являются знаками по преимуществу, то *структурализм* оказался наиболее эффективен в вопросах речевой коммуникации. В основе установления связи между знаками в парадигмальных и синтагматических системах, Леви-Стросс использовал принцип *бинарных оппозиций*.

Однако впервые принцип бинарных оппозиций до Леви-Стросса применил отечественный филолог **Р. Якобсон**. Он выделил двенадцать пар *акустических признаков*, которые составляли *оппозицию в фонемах* (звуковых частях слов устной речи) и предположил, что эти признаки являются универсальными для любого языка. Якобсон предположил, что чувственно воспринимаемые звуки представляют собой закреплённый традицией и культурой «код». Таким образом, «кодом» является язык, который рассматривается как система, приводящая в соответствие: 1) чувственно данный предмет, 2) знак (фонемы), 3) подразумеваемое значение. Поскольку человек – член различных коммуникационных сообществ, то он является «носителем» различных «кодов». В связи с этим Якобсон предложил схему (модель) коммуникации, которая должна представлять собой *речевое событие*: сообщение как событие создается и интерпретируется с помощью «кода», общего для всех участников коммуникации.

Отечественный языковед и семиотик **Ю. М. Лотман**, опираясь на франко-швейцарскую (в большей степени) и американскую (в меньшей степени) школы семиотики, а также на исследования по психологии мышления и речи **Л. С. Выготского**, разработал семиотическую модель речевой коммуникации, в которой ключевую роль играла *аутокоммуникация*. Понятие «аутокоммуникации» восходит к пониманию некоторыми немецкими философами, языковедами и психологами (**В. фон Гумбольдт**) необходимого опосредования мышления речью в виде некоего «внутреннего диалога», разговора с самим собой. В этом вопросе Лотман выступал как оппонент учения классических немецких философов (**И. Канта** и его последователей), считавших язык вторичным по отношению к мышлению. Аутокоммуникация представляет собой систему диалога «я – я», посредством которой личность «я» постоянно изменяется. «Обычная» коммуникация систем «я – ты» и «я – он» существует вторичным образом и базируется на аутокоммуникации. Описывая системы «обычной» коммуникации, Лотман выступал противником «кодовой» коммуникации Р. Якобсона, указывая на то, что у двух людей не может быть абсолютно одинаковых

«кодов». Вместо понятия «кода» Лотман предлагал использовать понятие «языковой игры», заимствованное у Л. Витгенштейна: в этом случае игра индивидуализирует коммуникацию, которая становится неким переводом с языка «я» на язык «ты». Важную роль в теории коммуникации Ю. М. Лотмана играет *текст*, функция которого заключается в том, чтобы быть *субстратом* коммуникации, *пространством репрезентации* коммуникации и *границами* коммуникации, т. е. ученый в теории речевой коммуникации придерживается гипотезы **Э. Сепира** и **Б. Уорфа** о том, что язык влияет на мышление и личность.

В отличие от Ю. М. Лотмана, текстовая модель речевой коммуникации отечественного философа и семиотика **А. М. Пятигорского** (1929–2009) является «антигипотезой» Сепира-Уорфа. Текст в его модели продолжает играть важную роль в речевой коммуникации, однако ни текст, ни сама коммуникация не затрагивают сознания. «Структуры языкового мышления более связаны с *отсутствием* сознания, нежели с его присутствием. Сама проблема объективного соотношения языка и сознания искусственно навязана наукой последних полутора столетий», – пишет Пятигорский [7]. Сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста, а речевая коммуникация – это частный случай применения текста. Речевая коммуникация, согласно Пятигорскому, – это реализация возможностей языка без участия интерпретации и рефлексии. Таким образом, речевая коммуникация – это «чисто психический язык, существующий без переживания психикой состояний сознания и без ее нахождения в структурах сознания» [8, 119].

Семиотик франко-швейцарской школы **Р. Барт** [1] рассматривает речевую коммуникацию в своей теории благодаря предложенному им концепту *семиотики мифа*. В его концепте семиотики мифа сам термин «миф» означает некоторую форму сообщения, некоторый способ многозначной и объёмной коммуникации, в которой главенствующая роль принадлежит *метафоре*. Метафора, согласно Барту, даже не столько расширяет функции линейной коммуникации, порождая семиотические системы высших порядков, надстраиваемые над семиотической системой первого порядка, сколько создаёт саму линейную коммуникацию, поскольку любая однозначная интерпретация смысла возможна только в контексте многозначности, богатства и изобилия метафор.

Необходимо также и сказать о теории речевой коммуникации канадского философа **М. Маклюэна** (1911–1980), открытием которого является то, что *средство коммуникации* (например, речь) *следует понимать как сообщение*. Средства коммуникации (в том числе и речь), согласно М. Маклюэну, являются *внешними продолжениями* сознания человека и, как таковые, они исторически развиваются с целью выразить сознание

наиболее полно. Это значит, что в своей теории речевой коммуникации М. Маклюэн придерживается взгляда процессуального и инструментального единства сознания, речи и способа ее выражения.

7.2. Теория развития средств речевой и письменной коммуникации (согласно М. Маклюэну)

Работы канадского философа и литературоведа **М. Маклюэна**, написанные им во второй половине XX в., близки по своему афористическому характеру и стилю изложения работам философов постмодернизма. Однако, в отличие от последних, Маклюэн благодаря более узкой сфере исследования выступает скорее как историк и семиотик культуры.

Теория развития средств речевой и письменной коммуникации изложена им в работе «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего». Основная часть этой книги посвящена условному членению истории становления и развития цивилизации и культуры, которую Маклюэн соотносит с коммуникацией между людьми и подразделяет на четыре основных этапа: 1) дописьменная культура; 2) рукописная культура; 3) печатная культура; 4) электронный век.

Общая тенденция развития средств речевой и письменной коммуникации такова: средства речи, приведшие к возникновению новоевропейской культуры, представляют собой движение *из мира звука в визуальный мир*. Однако, появление в XX в. новых средств общения может означать начало инверсии этого процесса. Коммуникация, выступая внешним продолжением сознания, изменяет само сознание.

Коммуникация в *дописьменную эпоху*, начавшаяся с возникновения речи и языка у человекообразных предков, представляет собой исключительно живое звуковое общение, принадлежащее и неразрывно связанное со звучащей окружающей природой. Значения слов передаются вместе с интонацией, эмоцией говорящего. Речь в дописьменную эпоху характеризуется взаимозависимостью и вынужденным устным сосуществованием коммуникантов. Устная речь считается сакральной: произнесённое вслух нерушимо, оно наделено силой, поскольку свидетелями говорящего всегда являются духи и предки. Речь в дописьменную эпоху является носителем знаний о мире, мифов, сказаний и обрядовых формул. Сакральность устной речи усиливается возможностью ее песенного и поэтического (неординарного, неповседневного) исполнения.

Рукописная культура смещает акцент из мира звука в визуальный мир. Особенно резкий поворот происходит с изобретением алфавитного

письма, под которым мы понимаем фонематическую орфографию. Рукописный текст, возникший первоначально с «бюрократической» целью учета хозяйственной деятельности, начинает играть ключевые роли и в других областях речевой коммуникации. Осуществляется перевод письма в статус сакрального при одновременной десакрализации звукового окружающего мира. Повседневная устная речь при этом также утрачивает сакральность и становится профанной, а вместе с этим возникают священные тексты. Однако не все уровни устной культуры утратили прежнее сакральное значение с появлением письменности: например, запоминание прочитываемого наизусть, проговаривание, пение продолжали играть важную роль. Письмо также послужило началом возникновения нового вида речевой коммуникации: коммуникации между читающим и текстом.

Печатная культура, начало которой положило изобретение **И. Гутенбергом** (1397–1468) в середине XV в. печатного станка, по мнению Маклюэна, завершило переход к превосходству культуры визуального слова над устным. Оно в огромной степени ускорило, усилило и облегчило наступление культурных и когнитивных перемен, характеризующих сознание современного человека. Согласно Маклюэну, возникновение печатной технологии способствовало и сделало возможным появление большинства значимых идеологических течений Нового времени, таких как индивидуализм, новоевропейская демократия, протестантская этика, капитализм и др. Оно явилось апогеем десакрализации устной речи и переводом ее в разряд малозначимого средства коммуникации, поскольку вывело на первый план коммуникацию между читающим и текстом, сделав текст легко доступным для каждого.

Коммуникация в эпоху *электронных средств* служит, согласно Маклюэну, поворотным пунктом для восстановления устной речи в ее утраченных правах. Телекоммуникация с появлением радио и телевидения оказалась сферой, восполняющей культурный голод индивидуализированного человека по устному общению. «Искусство слова, – как пишет М. Маклюэн в «Галактике Гутенберга», – последним приняло визуальную логику Гутенберговой технологии, и оно же первым перестроилось в век электричества» [5]. Возрастающее могущество электронных средств коммуникации вызывает панику у человечества. Именно поэтому философия постмодернизма говорит о «смерти книги» или даже о «смерти автора». Дальнейшее развитие электронных средств коммуникации должно вывести человека из «разговора с самим собой» и трансформировать общество в *глобальную деревню* – тесный маленький мир, населенный людьми, речевая коммуникация между которыми во много раз превосходит возможности их физического сосуществования.

7.3. Футуристический прогноз развития речевой и письменной коммуникации

Возможному будущему речевой коммуникации (как и коммуникации вообще) М. Маклюэн посвящает другую книгу – «Понимание Медиа. Внешние расширения человека» [6]. Эта книга является неким продолжением «Галактики Гутенберга», в котором больше внимания уделяется инструментальному характеру средств коммуникации в истории человечества и в его возможном будущем.

Для анализа инструментального характера средств коммуникации (т. е. медиа) Маклюэн метафорически разделяет средства коммуникации на «горячие» и «холодные», имея в виду: 1) интенсивность их воздействия; 2) наполненность информационными данными (рис. 5).

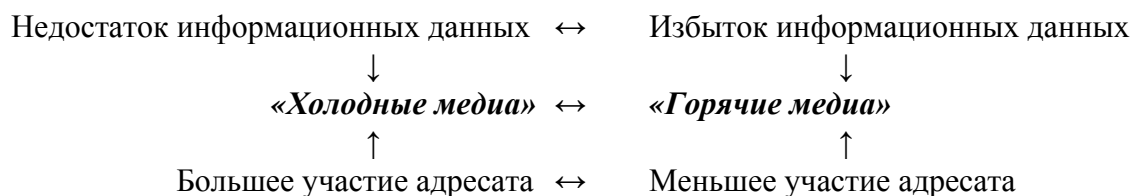

Рис. 5. Разделение средств коммуникации (согласно М. Маклюэну)

«Горячими» средствами коммуникации Маклюэн называет такие, которые предоставляют в пределах одного чувства (инструмента коммуникации) избыток информационных данных. «Горячие» медиа не оставляют аудитории свободы для дополнительного заполнения сообщения информационными данными. «Горячее» средство коммуникации допускает меньшую степень участия (свободу понимания) адресата по сравнению с «холодным». Например, лекция обеспечивает меньшую свободу понимания по сравнению с семинаром, а книга – по сравнению с диалогом.

«Холодные» средства коммуникации, согласно Маклюэну, отличает недостаток информационных данных, но высокая степень участия (свободы) аудитории (рис. 6).

Рис. 6. Примеры «горячих» и «холодных» средств коммуникаций

Эффект от коммуникации наблюдается, если и средство коммуникации, и культура коммуникации среди членов аудитории принадлежат одной и той же «температурной» группе. Если, например, *радио* («горячее» медиа), используется в *дописьменной культуре* («холодные» медиа), то это не только не дает ожидаемого эффекта, но и приводит к разрушительным последствиям, поскольку интенсивность навязываемой *связи* «означающего – означаемого» и избыток информации не позволяет речевым актам *радио* быть адекватно интерпретированными в пространстве сакральной устной речи.

Далее, в своем метафорическом сравнении коммуникации с «терморегулируемым» пространством, Маклюэн, возвращаясь к эволюции средств речевой коммуникации из «Галактики Гуттенберга» (дописьменная культура, рукописная культура, печатная культура, электронный век) отмечает, что каждый новый скачок в средстве речевой коммуникации расширяет «терморегулируемое» пространство. А это, в свою очередь, требует новых, все более и более глобальных «механизмов», контролирующих «терморегуляцию» пространства коммуникации.

Таким образом, Маклюэн предлагает достаточно *оптимистический прогноз будущего* речевых и письменных коммуникаций в эпоху глобализации, развития электронных средств массовой информации и коммуникации, которое, тем не менее, не будет разрушительным для человека только в том случае, если человек выработает новые критерии определения «горячих» и «холодных» медиа.

Вопросы для повторения

1. Какие методы использовала «классическая» теория линейной речевой коммуникации Г. Лассуэлла?
2. Что такое аутокоммуникация, согласно Ю. М. Лотману?
3. В чем состоит идея текстовой модели коммуникации А. М. Пятигорского?
4. Какую концепцию привносит в теорию речевой коммуникации Р. Барт?
5. Как М. Маклюэн предлагает понимать средство коммуникации?
6. На какие этапы, согласно М. Маклюэну, разделяется история вербальной коммуникации?
7. Какова общая тенденция развития вербальной коммуникации по мнению М. Маклюэна?
8. Какие изменения в истории вербальной коммуникации происходят с появлением печати?
9. Какими терминами, обозначающими недостаток или избыток информации, пользуется М. Маклюэн для анализа средств коммуникации?
10. Какой прогноз дает М. Маклюэн развитию средств вербальной коммуникации в будущем?

Список литературы к разделу 7

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов : [Текст] / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : Трактаты, эссе, статьи / под ред. Г. К. Косикова. – [1-е изд.]. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987. – 512 с. – [б. н.?]. – Текст : непосредственный.
2. Витгенштейн, Л. Философские исследования : [Текст] / Л. Витгенштейн, Философские работы в 2 частях. Ч 1 : [Текст] / Л. Витгенштейн ; сост. М. С. Козловой. – [1-е изд.]. – Москва : Гнозис, 1994. – 612 с. – ISBN 5-7333-0485-6. – Текст : непосредственный.
3. Докучаев, И. И. Феноменология знака. Избранные работы по семиотике и диалогике культуры : [Текст] / И. И. Докучаев. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 598 с. – (Слово о сущем). – ISBN 978-5-02-026365-9. – Текст : непосредственный.
4. Леви-Стросс, К. Структурная антропология : [Текст] / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. В. В. Иванова ; Ин-тут этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – [1-е изд.]. – Москва : Главное изд-во восточной литературы, 1985. – 536 с. – (Этнографическая библиотека). – [Изд. № 5887]. – Текст : непосредственный.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего : [Текст] / М. Маклюэн ; пер. с англ. И. О. Тюриной. – [1-е изд.]. – Санкт-Петербург : Академический Проект; Фонд «Мир», 2005. – 496 с. – ISBN 5-8291-0548-9; 5-902357-28-4. – Текст : непосредственный.
6. Маклюэн, М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека : [Текст] / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – [1-е изд.]. – Москва : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с. – (Публикации Центра Фундаментальной социологии). – ISBN 5-86090-102-X. – Текст : непосредственный.
7. Пятигорский, А. М. Избранные труды : [Текст] / А. М. Пятигорский. – [1-е изд.]. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 594 с. – (Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-88766-028-7. – Текст : непосредственный.
8. Пятигорский, А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке : [Текст] / А. М. Пятигорский ; М. К. Мамардашвили ; под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – [1-е изд.]. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 224 с. – (Язык. Семиотика. Культура). – ISBN 5-88766-055-4. – Текст : непосредственный.

Вязьмин Алексей Юрьевич

**РЕЧЕВЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ
КОММУНИКАЦИИ**

Учебное пособие

Редактор *Е. В. Пирогова*
Компьютерная верстка *Н. А. Ефремовой*

План издания 2020 г., п. 103

Подписано к печати 04.06.2020
Объем 5,25 печ. л. Тираж 26 экз. Заказ 1052

Редакционно-издательский отдел СПбГУТ
193232 СПб., пр. Большевиков, 22

Отпечатано в СПбГУТ